

Н.Б. Галкинцев

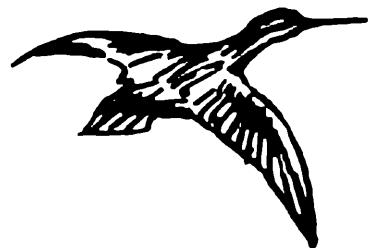

**БОЛОТНО-
ЛУГОВАЯ ОХОТА
СО СПАНИЕЛЕМ**

Н.Б. ПАТРИКЕЕВ

БОЛОТНО-
ЛУГОВАЯ

ОХОТА
СО СПАНИЕМ

ОФОРМЛЕНИЕ И РИСУНКИ В. РОМАНОВА

ББК 47.1
П-20

ПАТРИКЕЕВ Н.Б.

Болотно-луговая охота со спаниелем:

Из записок охотника Обь-Иртышья.

Ханты-Мансийск, 1996 , 125 с.

[Библиотечка журнала «Югра»].

Издательство «Н.И.К.»

Автор, краевед-натуралист и охотник-писатель, на основе многолетнего опыта интересно рассказывает об увлекательной охоте на болотную и луговую дичь с русскими спаниелями, о многих видах промысловых и охраняемых птиц, встречающихся в поймах рек Иртыша и Оби. Книге предпослано фенологическое описание ранне-осенней поры, а в заключение предлагается библиографический указатель книжно-журнальных публикаций автора о природе и охоте.

ISBN 5-900924-04-1

© Патрикеев Н.Б.,

© Романов В.А., 1996 г.

ОБ АВТОРЕ

Новомир Борисович Патрикеев родился в 1932 году в Салехарде (Обдорске) — единственном в мире городе, расположенным на черте Полярного Круга. Его отец, первый агроном Ямала и страстный охотник, с раннего детства привил сыну любовь к природе и охоте. С шести лет мальчик начал стрелять в цель из мелкокалиберной винтовки, в семь лет впервые побывал на охоте и выстрелил из дробовика, а в десять — взял первый ружейный трофей — кулика-турухтана.

Уходя на фронт, отец подарил ему двуствольный «Зазур-Аист» 16 калибра, с которым в конце войны юный охотник начал самостоятельно добывать уток и куропаток и на многие десятилетия стал неизменным поклонником и служителем богини охоты Дианы.

После окончания с отличием Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева в 1955 году Н.Б. Пат-

рикеев приехал работать на Салехардскую сельхозстанцию, основателем которой был его отец. С 1956 года начал публиковать газетные заметки фенолога, этюды о природе и охоте. В 1958 году в коллективном сборнике напечатаны первые охотничьи рассказы. Большое влияние на становление автора как пишущего натуралиста оказали корифей российского охотоведения Г.Е.Рахманин и будущий крупный орнитолог Л.Н.Добринский, с которыми он вместе охотился. Первым редактором рукописей был коллега по работе известный охотовед и ученый В.П.Макридин.

Тишину научной лаборатории Н.Б.Патрикееев решительно сменил на перо журналиста, став собкором областной газеты «Тюменский комсомолец». Через четыре года был назначен директором таежного зверооленеводческого совхоза, потом — руководителем группы инспекторов по сельскому хозяйству Ямalo-Ненецкого окружкома КПСС. В 1965 году окончательно вернулся в журналистику заместителем редактора окружной газеты «Красный Север». Окончил Свердловскую высшую партийную школу и аспирантуру. С 1970 года редактирует главную газету Ханты-Мансийского автономного округа «Новости Югры».

Перу Н.Б.Патрикееева принадлежат изданные в Москве записки охотника Обского Севера «Планета любви», опубликованная там же повесть «30 лет со спаниелем», более пятидесяти журнальных и 200 газетных материалов о природе и охоте.

Со второй половины 50-х годов Н.Б.Патрикееев известен и как историк-исследователь края, автор ряда книг и брошюр, десятков научных и научно-популярных публикаций в журналах и сборниках, сотен газетных статей по новейшей истории Севера Западной Сибири.

Он заслуженный работник культуры России, избран членом-корреспондентом Петровской Академии наук и искусств, действительным членом Русского географического общества, почетным членом общества охотников.

**Академик Г.И.Бардин,
почетный полярник.**

I. Осенний бал природы

УЖЕ пятнадцать лет на Обском Севере для владельцев породистых легавых собак и спаниелей за две недели до обычных сроков разрешается осенняя охота на болотную и луговую дичь. Раньше такие птицы были практически недоступны, т.к. к началу сентября большинство из них улетает на юг.

Эта классическая высокоспортивная охота — большая радость и настоящая награда тем подлинным любителям северянам, которые не польстились на возможность богатого таежного промысла с полудикими неприхотливыми лайками, а, несмотря на трудности климата и многоквартирного жилья, держат более нежных, но благородных и красивых в работе пойнтеров, сеттеров, континентальных (европейских) легавых и спаниелей.

Как тут не вспомнишь С.Т.Аксакова:
«Всякий охотник знает необходимость легавой собаки: это жизнь, душа ружейной охоты, и предпочтительно охо-

ты болотной, самой лучшей; охотник с ружьем без собаки что-то недостаточное, неполное!» (Заметим, что в те времена к легавым относили и спаниелей. Позже их выделили в особую группу охотничьих собак — птичих гончих).

Итак, дорогой читатель, если Вы «полный» охотник или хотите им стать, поспешим на луга, чтобы проявить свои качества меткого стрелка, неутомимого ходока по кочкам и хлябям, умелого воспитателя своего четвероногого друга.

И не только. Для «полного и достаточного» охотника не менее важным является общение с природой. На стыке лета и осени она предстает более яркой и оживленной, чем в более поздний сезон утиной охоты. Тютчевская «короткая, но дивная пора» — самое благоприятное время для творческого восприятия окружающего великолепия лугов. Помоему, Константин Паустовский точнее великого поэта, творившего в такую же пору в Болдино, сказал, что к осени созревает урожай человеческих дум.

Настоящий охотник на болотную дичь в принципе не может быть мясником-заготовителем, как лосятник или даже утятник, поскольку добыча его невелика по размерам и изысканна, как и сама охота на нее. Он не может быть тем примитивным «ремесленником» в поле (определение И.С.Соколова-Микитова), а выступает как наблюдатель-ценитель и поэт в душе, как гурман, но не в кулинарном смысле, а по тонкости ощущения увиденного и пережитого.

Один из ярких представителей плеяды незаслуженно забытых русских охотничьих писателей Е.Т.Смирнов считал, что добывание зверя и птицы, несмотря на ничтожество материальных выгод, доставляет удовольствие, как хорошая книга, толковая музыка.

Глубоко разделяя удачное сравнение, считаю, что если книга, то обязательно поэтическая, если музыка, то не просто звуки, а фантастическое переплетение бесчисленных оттенков семи нот и семи цветов радуги.

Впервые уловив много лет назад всепроникающую цве-

томузыку, я знал только, что такое явление существует. Поэтому почитал о цветном звукосозерцании Н.А.Римского-Корсакова, о знаменитой «световой строке» в партитуре скрябинской «Поэмы огня», об опытах создания цвето-световой музыки при помощи специальных инструментов венгерского композитора А.Ласло, о «Цветовой симфонии» А.Бл исса.

Но все это результаты «цветного слуха»: звуки давали представление музыкантам о цвете и яркости света. А в природе, наоборот, цвет и свет порождают музыкальные ассоциации, чему есть даже научное название — «синопсия».

Теперь Вы уже точно услышите сами волшебную мелодию, рожденную игрой света и тени, многоцветием красок да еще сопровождаемую по-своему гармоничными флюидами пьянящих луговых ароматов.

Сказочный мир красоты, музыки и благовоний, несомненно, вызовет у Вас образное и ритмичное отражение его, т.е. поэтические чувства, не обязательно облеченные в стихи. Со временем поэзия радостно-созерцательная, фиксирующая момент, перейдет в отвлеченно-медитативную. Вы начнете размышлять и через красоту природы постигать ее вечность и очистительную силу.

Таинственный блеск спокойной предзакатной осенней реки подарит плывущие по ней мысли. Ведь течение воды — течение времени, аккумулятор истории, несущий из глубины веков отпечатки прошлой духовной жизни, событий, дум и судеб людских. Вы интуитивно почувствуете то, что ученые давно пытаются доказать и использовать — необыкновенные свойства H_2O как носителя информации.

На зеркальной протоке легкие сиреневые и малиновые тени. Над ней другие респонденты, желающие передать Вам что-то свое, заветное. На фоне золотистого вечернего неба хоровод чаек. Они то пикируют за мелкими рыбками, то взмывают вверх и делают плавные пирамиды, то зависают

на месте подобно вертолетам. Бело-розовые феи, как заколдованные красавицы, весело играют, радуются хорошей погоде и богатому улову, а в их громких, призывных голосах тоже есть какая-то тайна.

Когда стемнеет, Вы, следя за поднимающимися искрами костра, увидите сине-золотое небо, перепоясанное широким, шитым серебром кушаком Млечного Пути. Может быть, это арка, подпирающая небосвод? Коромысло, держащее то, что скрывается за горизонтом? Или дорога, идущая в никуда? Вокруг вечные и неизменные очертания — символы созвездий, ждущие расшифровки, как похожие на них наскальные рисунки первобытных людей.

Земные ретроспективные думы плавно, через птиц, перейдут в небесные: о настоящем и будущем. Кто Вы в этом странном безграничном Космосе? Как правильно жить, если во Вселенском всевластном компьютере одна дискета раскручивает Вашу судьбу, а другая — записывает все действия? Что ждет каждого за отмеренной заранее чертой? Может быть, воцарившаяся ночная темнота, которая, как писал А.И.Куприн, «черна и непроницаема до жуткости»?

Бледно-розовая каемочка заката гаснет и превращается в узкую серую предрассветную полосу. Постепенно расширяться и удлиняясь по дуге, она станет светло-серой, затем серебряной с матовым платиновым блеском и, наконец, неожиданно низ ее засветится от приближающихся солнечных лучей, и позолоченная бирюза восхода разольется на четверть небосвода. И вспыхнет, выплыv из-за края Земли, большое малиновое солнце.

Заискрятся росинки, заблестят озера и старицы, засверкают цветы на зеленом травяном ковре, и здесь, на изумрудно-золотых пойменных просторах, при ходовой охоте с благородной собакой на благородную дичь Вы наиболее полно ощутите гармонию всего живого и неживого на Земле, человеческое единство с ним.

Так какая же она, осенняя пойма Обь-Иртышья? Дыха-

ние осени сюда приносит август вместе с высокими густыми туманами и холодными сильными росами. Однако земля и вода неохотно отдают накопленное тепло, и осень подкрадывается медленно желто-рыжей лисицей. Парадоксально — чем жарче и суще лето, тем раньше появляются на лугах мазки осенних красок. Злаковые травы на высоких гравах отцветают, колосятся и блекнут. Над их побуревшей листвой парят в воздухе светло-коричневые колоски с фиолетовым отливом. Создается иллюзия легкой синеватой дымки, проколотой местами высокими шоколадными стеблями конского щавеля, словносыпанными гречневой крупой.

Из травянистых растений других семейств иногда уже в середине августа, не дожидаясь инея, темнеют и поникают тонкие стебли и соцветия омежника; рано чернеют и стоят, как побитые морозом, высокие кусты орлика, радовавшие взгляд бело-розовыми колокольчиками, и похожие на бамбук заросли толстого борщевика.

На влажных местах — в низинах и у берегов водоемов — травостой из вейника, канареечника, осок и хвощей долго сохраняет более сочный темно- или светло-зеленый цвет. Повсюду островки или небольшие куртинки растущих ярусами цветков. Выше всех желтые метелки крестовника с крупными пушистыми ромашкообразными цветами и похожий на него вербейник; большие ярко-сиреневые соцветия дербенника (плакун-травы); красно-сиреневые — змееголовника; усыпанные множеством мелких белых цветочков зонтики омежника.

Чуть ниже — синие конусы вероники, розовые колоски гречишни. Совсем по земле стелются желтые карликовые лютики, розовые и белые шарики клевера. Дольше других не увядают крупные темно-синие колокольчики горечавки лазурной, кисти мелких розовых цветков зубчатки и зонтики темно-красных цветочков очитка (скрипуна).

Все они, не имея сильных специфических запахов, тем

не менее участвуют своей душистой свежестью в общем медвяном ароматическом хоре лугов вместе с прелой травой и свежескошенным сеном. Явным солистом выступает пряный тысячелистник (хрящ), называемый в народе чахотной травой. Он и растет иногда отдельно — целыми белосерыми полями.

Феерический пир осенних запахов и красок почти ежегодно получает отсрочку отувядания и оживляется в «бабье лето», которое обычно устанавливается в конце августа-на-чале сентября. Сейчас мы чаще связываем этот термин со второй молодостью женщин. А когда-то так говорили о втором приходе лета, периоде более легких женских сельскохозяйственных работ уже после окончания напряженной страды. В Северной Америке осеннее потепление называют индейским летом, красочным, как пестрая одежда аборигена.

В это время оттенки осенней палитры характерны больше для леса. Но и в пойме можно увидеть маленькую осинку, вся листва которой стала красно-бордовой и в полный штиль нервно трепещет переливающимся флагом в пологих лучах утреннего солнца. Среди сплошь зеленых ивняков встречаются кусты полностью медно-красные или желто-золотистые.

Наблюдаются типично летние явления: душная жара, сильная гроза с теплым ливнем и продолжительными раскатами грома, яркая радуга и молочно-розовые облака на фоне чисто-голубого неба.

Иногда спровоцированные теплом вновь распускаются первоцветы. Как-то обнаружил два круглых мелких озерца — пару золотых медалей на зеленом парадном мундире природы. Одно сплошь заросло светло-желтыми калужницами, другое — большими лютиками. Как будто снова попал в весну. Противоположные чувства рождают мелкие бледно-лиловые осенние незабудки на ниточках-стебельках. Как сказал поэт: «Цветы последние милей роскошных пер-

венцев полей». К сожалению, не помню автора, но у М.А.Шолохова есть подобное — последние цветы милее первых, они будят в сердце уснувшую печаль.

В животном мире все также имеет свой уровень, свой слой, свои циклы во времени и пространстве.

Первые седины стареющей природы несут в начале августа расселяющиеся пауки-летчики. Гонимые незаметными движениями воздуха, над лугами плавно летят их паутинки. В середине месяца заканчивается массовый лет стрекоз. В заветренных местах маленькие зеленоватые и коричневые «вертолетики» еще охотятся за мелкими насекомыми. Большая полосатая стрекоза несет на подвеске белую бабочку. Это, наверное, ее последняя добыча. Скоро, пошелестев на траве крыльями, как пергamentная бумага, она оцепнеет.

На цветах собирают последний нектар толстые трудяги-шмели. На земле стрекочут зеленые кузнечики и крупные коричневые кобылки. У водоемов теплее. Под вечер столбиками выются комары, свирепствуют больно жалящие мельчайшие осенние мошки. По глади озер и стариц скользят вертячки и водомерки, выписывая замысловатые броуновские движения. Иногда взлетает или падает в воду жук-плавунец.

В низинах прыгают мелкие, с наперсток, лягушата осеннего вывода. В отшнурованных лужицах пересохших ручьев, как стрелки, носятся юркие щурята, обреченные на гибель или корм воронам и чайкам. В обмелевших протоках плещутся щуки-двухлетки, охотятся на своих соплеменниц-щурогаек и молодь карповых рыб. Полосатые разбойницы врываются в стайки скопившихся у берега мальков, и те серебристыми брызгами выскакивают из воды. Щучья уха охотнику всегда обеспечена. Большую можно красиво выудить спиннингом, а маленькую — на простой крючок без блесны, была бы наживка из рыбьих или птичьих кишок.

Зверьки на лугах почти незаметны. Обычны ондатры и мелкие мышевидные грызуны. Первые от зари до зари хлопотливо занимаются «сенокосом», вплавь буксируя отборную траву с сочными корневищами к своим земноводным кормовым хаткам-чумам. Присутствие полевок (в зависимости от уровня воды) выдают охотящиеся за ними соколы-пустельги, способные зависать на одном месте, пестро-крылье канюки-мышеловы и болотные совы. Изредка на высоких сухих местах встречаются разрытые крупными грызунами участки земли, а на берегах озер в кочках у самой воды (там теплее) — открытые гнезда с еще голыми мышатами.

По принципу — каждому свое место и время — живет и орнитофауна поймы. В начале августа поднимаются на крыло и совершают утренние и вечерние перелеты отлинявшие селезни и ранние выводки речных (благородных) или серых уток. Сначала шилохвость, кряква, чирок-свиристунок, затем свиязь, широконоска-соксун и чирок-трескунок. На озерах пока много нелетных серых утят — больше на взлете, меньше — хлопунцов, а изредка попадаются даже пуховики из поздних кладок.

Нырковых (черных) уток сравнительно немного. На глубоких озерах и протоках плавают местные выводки хохлатой чернети, изредка — более крупного красноголового нырка (голубой чернети) и пришлые из прибрежных лесков дуплогнездники: птенцы гоголя и малого крохаля-лутка. Очень редко встречаются условно-охотничьи водоплавающие, неосторожные и практически несъедобные птицы — красношейная гагара и похожая на нее маленькая поганка, которые становятся легким, но бесполезным трофеем несведущих «охотников». Хотя от уток их легко можно отличить по острому клюву, разбегу при взлете и отставленным назад лапам.

Все это будущая законная добыча, которая к открытию утиного сезона в большинстве встает на крыло. А пока здесь

охотятся ястребы, соколы, коршуны и самый страшный враг — луговой лунь, бесшумно скользящий над травой и водой. Иногда, пойму всю охватывая взглядом, в высоте парит царь здешних птиц орлан-белохвост.

Объект нашей охоты — болотная дичь — наиболее скороспелая. По многолетним наблюдениям начинать сезон можно в первую субботу августа. И хотя предлагаемая книга посвящена спаниелям, приглашаю с нами всех легашатников. Ваши азартные питомцы страстно исполнят на утреннем лугу поисковый галоп. И мелькнет рыжей молнией ирландский сеттер, сделает высокую фирменную свечку над травой ушастый спаниель, замрет в скульптурной стойке пойнтер, словно вырубленный из мрамора античным мастером.

II. Благородные долгоносики

ВЫБОР луговой и болотной дичи на Обско-Иртышской пойме богат и разнообразен.

Но в первую очередь речь пойдет о так называемой красной дичи, что означает по-старорусски — самой красивой, прекрасной. Именно при охоте на нее наиболее полно раскрываются полевые качества легавых собак и спаниелей, стрелковое мастерство, умение и выносливость их хозяев. Недаром с нее начинаются классические аксаковские «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852г.) — непревзойденная первая охотничья энциклопедия в России:

«Приступая к описанию дичи, я считаю за лучшее начать с лучшей, то есть болотной... и притом именно с бекаса, или, правильнее сказать, со всех трех видов этой благородной породы... Начинаю с бекаса, отдавая ему преимущество над дупельшнепом и гаршнепом по быстроте его полета и трудности добывания. Всякий истинный охотник согласится признать за ним это первенство».

Все эти три вида (кстати, теперь уже почти никто не называет дупельшнеп, просто дупель) и еще лесного кулика вальдшнепа некоторые авторы относят к подсемейству бекасовых (отряд куликов), а бекас и дупель состоят даже в одном роде — бекасов. Для них характерен прямой, мягкий и гибкий клюв, способный осязать и захватывать, словно пинцетом, добычу на земле. Видимо, в связи с этим и глаза у них расположены высоко и дальше к затылку. Крылья менее острые, несколько серповидные, короткий закругленный хвост. В окрасе преобладают ржаво-желтые, ожирственные, бурье тона.

НАИБОЛЕЕ распространен у нас обыкновенный бекас — самый интересный объект спортивной охоты по перу.

Не случайно принятое во всем мире название меткого стрелка — снайпер — произошло от английского слова «*Snipe*» (бекас).

Многие, не только охотники, знают его по неповторимым весенним токовым полетам. Поднимаясь по спирали высоко в небо, он выписывает там волнами вертикальные дуги и при пикировании перья издают особый дребезжащий звук. За это в народе его прозвали диким, лесным или небесным барашком, а в Германии — небесной козой. В словаре В.И.Даля есть еще одно не совсем понятное наименование — козырь. Весенний крик на земле — «так-так».

На мой взгляд, самое основательное описание его дано немецким натуралистом Альфредом Бремом во всемирно известной «Жизни животных» (т.2, «Птицы»), где он, кстати, также называет бекасиную охоту «самой занимательной». А в книге «Жизнь на Севере и Юге» (СПб, 1891) этот же автор рассказал, что во время путешествия на Обской Север в 1876 г. он добыл несколько бекасов на пропитание у р.Щучье в Байдарацкой тундре (Ямал).

Если говорить об окрасе кулика короче, то его главные отличительные признаки от собратьев — относительно длинный и темный клюв, белое брюшко. Рулевые перья все одинаковы по размеру и окраске: рыжие с поперечными полосами и белым кончиком. На голове продольная ржаво-желтая полоса в обрамлении двух черных. На спине четыре красивых палевых с рыжиной продольных узких полоски. Лапы серые, но встречал и с легкой желтизной на пальцах и плюсне.

Это небольшой кулик. По моим измерениям наиболее крупные бекасы имеют клюв длиной 5,5-7 см, причем нижняя часть на полсантиметра короче. Общая длина от основания клюва до кончика хвоста 22-24 см, крыло — 21-22 см. Попадались и совсем мелкие экземпляры: клюв — 4,5, общая длина — 17, крыло — 16 см.

Реже в наших краях встречается азиатский бекас, который несколько светлее по окраске, клюв у него короче, рулевых перьев намного больше, крайние из них короче и уже средних. При токовом полете издает жужжащий свист пикирующего самолета. Крики его «чвии-чвии» или «ччи-ччи» напоминают звон бруска по косе.

Бекас — мишень очень маленькая, притом быстрая и очень осторожная. Собаку не подпускает порой на 10-15 метров, а иногда срывается за пределами выстрела. Взлетает резко, как говорили старые охотники, — «взрывается», порой с паническим криком «кээтш» или «кээч». При этом делает своеобразные зигзаги, поворачиваясь с боку на бок, затем переходит на прямой полет иногда с хриплым звуком «хрек-хекээ». Вспугнутый или после промаха, как правило, улетает далеко, иногда за пределы видимости, исчезая маленькой точкой. Опускается чаще вертикально, а порой как бы ныряет в траву.

Попасть в юркого бекаса труднее, чем в любую другую пернатую дичь. Нужно иметь особую сноровку и следовать мудрому совету второго по значению нашего классика охоты, автора знаменитого «Охотничьего календаря» (1892 г.) Л.П. Сабанеева — стрелять бекаса после того, как он полетит прямо, но охотники-асы бьют и на боковом вираже.

Калибр ружья для хорошего стрелка не имеет значения, можно и двадцатый. Лишь бы ружье было прикладистое, давало ровную и широкую осыпь. Теперь редко встретишь стволы с цилиндрической сверловкой, что было бы идеальным. Значит, нужны соответствующая пристрелка и обязательно мелкая дробь. Все пятнадцать сезонов специальной болотной охоты я применяю «ИЖ-12» в штучном (по паспорту) исполнении со стандартным дульным сужением, патроны различной фабричной снаряжки, вплоть до стендовых с контейнерами, и дробь № 9, т.к. мельче в России не выпускают.

Как тут не вспомнить старые добрые времена, когда были не только стволы – «цилиндры», но и специальная дробь-бекасинник 10-11-12-го номеров. Последняя, наиболее мелкая, называлась «дунст» или «бус». Где уж там промахнуться, тем более непуганых бекасов водилось великое множество. Поэтому в конце прошлого века на них охотились даже весной: и с легавой собакой, и подманивали манком на голос самки, и стреляли (что красиво, но безжалостно) во время токовых полетов.

М.В.Поддубный («Охота и природа», № 4, 1995) приводит рассказ заядлого «бекассиниста» графа Д.С.Шереметева о его соревнованиях по стрельбе бекасов. Состязаясь в течение целого дня с двухчасовым перерывом с князем В.С.Кочубеем, они взяли соответственно 120 и 122 птицы. В другом соревновании Д.С.Шереметев добыл за день 108 бекасов, а его соперник полковник Киберт — 102.

Искать бекасов надо на сырых лугах, заболоченных травянистых низинах у озер, проток и сенокосных дорог, в сухие годы — на окраинах и самих блюдцах высохших озер, на дождевых и низинных лужицах на стерне.

По сухим кочковатым окраинам бекасиных болот, на осокистых высоких берегах озер, по обочинам луговых дорог, на выкошенных лугах частенько можно поднять из-под собаки внешне похожего на бекаса, толстенького, коренастого, медлительного кулика-дупеля. Дупельшинп в переводе с немецкого — двойной кулик, хотя и явно не вдвое больше бекаса, но раза в полтора тяжелее.

В силу ленивого и спокойного нрава он близко подпускает не только интеллигентных легавых, замирающих в стойке буквально в нескольких сантиметрах от кулика, но и горячих спаниелей, очень темпераментных по природе птичьих гончих. Без мохнатых помощников его вообще трудно выгнать из травы. Старые охотники-«топтуны» (так презрительно называли раньше «бессобачни-

ков») делали это при помощи тонкой длинной веревки, которую привязывали к поясам и фронтально волочили вдвоем по лугу.

Взлетает молча, но с характерным хлопаньем крыльев, порой крякает или покряхтывает. Летит сравнительно медленно, низко, прямо, и стрельба не представляет абсолютно никаких трудностей. Поднятый, улетает обычно недалеко. Садится вертикально, распустив крылья и часто, как утка, махая ими. После этого залегает еще крепче и для поиска нужна собака с хорошим чутьем и азартом на дичь.

В окраске дупеля, на первый взгляд, больше ржаво-желтых полос и пятен. Мне никогда не забыть, как лет 50 назад из зарослей желто-багряной карликовой берески в лесотундре близко вылетел яркий ржаво-бурый кулик. Я вздрогнул не от шума крыльев, а именно от невиданного ранее сочетания цветов.

От бекаса он отличается более коротким клювом, серым брюшком с поперечными волнистыми полосами. Крайние рулевые перья — белые, на крыле пять ярких белых поперечных полос, почти сливающихся в сплошное зеркальце. Лапы у дупеля чуть светлее, длиннее и толще. Окраска головы и груди, рисунок перьев спины у обоих куликов одинаковы, но у дупеля они чуть бледнее или светлее. Видимо, на этом более спокойном фоне контрастнее выделяются рыжина и желтизна, что и определяет более яркое восприятие.

Размер здесь не самое главное, иногда молодой дупель бывает не крупнее старого бекаса. Легче всего определять по тушке. У бекаса она типично куличиная, с узкой «талией», а у дупеля похожа на утиную — без перетяжки.

В народе дупеля называют лежанкой, молчанкой, за цвет — пятначкой. У В.Даля среди прочих есть опять же странное наименование — белокуприк. Может быть, от названия травы — «белый купырь»?

В отличие от других своих собратьев дупели весной токуют на земле подобно тетеревам, только не на рассвете, а всю ночь. Лет сто назад охотники успешно стреляли их ночью на токах и мешками ловили при помощи петель и сетей.

Насколько много было раньше красной дичи, можно судить и по запискам другого охотничьего классика С.А.Бутурлина, вспоминавшего, что в конце прошлого века в Симбирской губернии осенью брали по сотне дупелей на ружье. Автор также классических «Записок охотника Восточной Сибири» А.А.Черкасов, впервые изданных в 1867 г., приводит случай, когда старые охотники убивали и побольше сотни. Он же в журнале «Природа и охота» писал о совместном выезде на дупелей с А.Бремом 15 июля 1876 г. под Барнаулом. Тогда великий естествоиспытатель добыл 26 дупелей, «несмотря на то, что выпил всякой всячины порядочное количество» и поначалу «много пуделял».

Рассказывая об удачных охотах на дупелей и бекасов в давние времена, я хочу сказать, что и сейчас, особенно на Севере, эта дичь водится в достаточных количествах, и доказательства тому впереди.

ПОИСТИНЕ экзотический трофей — самый маленький из бекасиных — гаршнеп. Народное название — «ночной извозчик». Токует весной по ночам, летая высоко над лугами с криками «лок-то, лок-то-то», что напоминает стук лошадиных копыт по плотно утрамбованной дороге — «топ-топ-топ». Отсюда, вероятно, и польское наименование — «стучик». По В.Далю — крошка, малыш, самый малый.

Немецкое название — волосяной кулик — он получил за длинные красивые перья-косицы на спине, черные с синим, зеленым, а иногда (по А. Брему) — с пурпурным отливом. Вообще, те же ржавые, желтые, бурые краски, но более сочные, яркие, на плечевых перьях даже с переходом в оранжевые. Длина птички 16 сантиметров, вес до 90

граммов. В отличие от бекаса имеет сравнительно короткие ноги, на голове лишь одна продольная черная полоска.

Предпочитает трясинные болота, заросшие хвоющим и осокой, ржавые грязные топи, илистые берега озер и ручьев. Доверчив и неосторожен, сидит еще крепче дупеля и вплотную подпускает собаку. Когда-то, видимо, вылетая из-под самых копыт лошадей, стал называться еще и подкопытником. Взлетает медленно, иногда с криком «чи-вик», полет тихий, порхающий, как у бабочки или летучей мыши. Отлетает также недалеко. Садится порой неожиданно — камнем падает в траву, сложив крылья, словно убитый, и затаивается так прочно, что без собаки уже не выгонишь.

Есть у этого куличка приятная особенность: он улетает на юг очень поздно, как бы продляя сезон классической охоты. Держится порой до замерзания озер, первых снегопадов, пока есть талая земля на илистых берегах.

В октябре 1970 года, когда уже застыли озера и большие протоки, а над Обью у Ханты-Мансийска пролетали последние стаи нырковых уток, мы отправились за рябчиками... и вспугнули из прибрежной травы лесного ручья отлично упитанного гаршнепа.

НА пойме, непосредственно примыкающей к лесным массивам, осенью встречается и самый крупный представитель красной дичи — вальдшнеп, который вылетает из тайги на жировку и водопой, а иногда во время затяжных дождей перебирается из сырого, непродуваемого леса на более открытые луговые места. При желании и удаче можно найти и высыпки пролетных с севера куликов. Одну из них, и очень богатую, наблюдал известный в Ханты-Мансийске охотник В.П. Киселев на окраине деревни Зенково (пойма Оби).

Вальдшнеп — по-немецки лесной кулик. В зависимости от мест обитания, издаваемых звуков и образа жизни он носит много народных наименований: вальшня, боровой или

березовый кулик, ольшняк, зорник, на Урале — шабашка, арся, углевоз, пахарь, пахарец, по звукам — кряхтун, хорпуша, хурпун, курпист, хурхун, хаква, другие названия — ротай, долгоносый виклюк, слука, слаква, сломка, слонка. По В.Далю — боровой кулик, березовик, красный кулик, боровик, лесная кура, крехтун.

В отличие от своих собратьев — бекаса, дупеля и гаршинепа — он является постоянным жителем леса. Любит полуболотистые лесные участки, перемежающиеся с открытыми пространствами, ручьями. Предпочитает невысокий, граничащий с крупным, лес с подлеском, кустарником, невысокими деревьями. Неважно, хвойный или лиственний, главное условие — рыхлая лесная (только не песчаная) почва, в которой он мог бы рыться клювом в поисках червей, улиток, личинок насекомых, молодых корешков растений.

Как у других бекасов, клюв у него прямой, гибкий, с подвижным мягким кончиком, способным чувствовать и захватывать добычу в земле. Как и все они, вальдшинеп — очень скрытная, ночная птица. Днем прячется под защитой кустарников, молодых деревьев, папоротника, в сумерках оживляется, ищет корм. При этом не только погружает клюв в землю, но и переворачивает листья, кусочки коры, веточки.

Отличается лесной кулик более крупными размерами (длина 35 см, вес 400 граммов), более плотной статью, большой головой, короткими оперенными до пятого сочленения ногами, некоторой неуклюжестью на земле и поперечными полосами на голове. Из других особенностей можно назвать его умение садиться иногда на воду или на деревья. М.М.Пришвин видел однажды целую семью вальдшинепов на елке.

Приведу строки из самого проникновенного, на мой взгляд, философски-поэтического, полного музыки описания вальдшинепа русским зоологом-академиком, путешес-

твенником, писателем (и эмигрантом с 1923 года) К.Н.Давыдовым:

«Знаете ли вы, что такое вальдшнеп? Если ваши знания ограничиваются тем, что эта птица кулик, то вы рискуете меня не понять. Вальдшнеп — это совершенно особенная птица. Другой такой нет. Кулик, а к воде никакого отношения не имеет. Живет всегда в лесу отшельником, одиноко. И повадки у него какие-то странные, необычные для птиц. Потревожьте гнездо вальдшнепа — и вальдшнепиха-мать схватит пухового птенчика в лапы и лётом унесет прочь — и так всех птенцов перетащит в другое место... Вообще какая-то мистическая, непонятная нам, таинственная птица. Говорят, глаза есть зеркало души. Так вот, посмотрите на его глаза. Таких других глаз нет. А оперение! Тоже совсем особенное».

Если говорить подробно о цвете оперения, то разочарования я заметил во многих из добрых двух десятков просмотренных книг. Сошлюсь для начала на С.Т.Аксакова: «все пятна или пестрины его тела состоят из смешения темных: красноватых, серо-пепельных оттенков, неуловимых для описания, как и у других бекасиных».

А как не верить подробному описанию вальдшнепа Альфредом Бремом? Но он и некоторые авторы видят на голове у кулика четыре бурых и четыре ржаво-бурых поперечных полосы и карие или бурые глаза. Другие считают, что чередуются черно-бурые и ржаво-бурые полосы, а глаза темно-бурые. Все, видимо, зависит от восприятия или популяции птицы.

Я, например, из всех встреченных в литературе считаю наиболее удачным определение расцветки нашим бывалым охотником-спаниелистом и писателем В.Е.Германом:

«В окраске преобладают ржаво-бурые тона; на голове, затылке и зашейке по четыре черно-бурых и ржаво-желтых полосы. Остальная часть верхнего оперения испещрена ржавыми, ржаво-серыми, ржаво-желтыми, серо-буры-

ми и черными пятнами. Горло беловатое. Нижняя часть оперения серо-желтоватая в бурых волнистых полосах. Маховые и рулевые перья черно-бурые с ржавыми пятнами. Глаза очень большие, далеко отставлены назад, темно-бурые, почти черные...»

Есть интересные детали, связанные с оперением вальдшнепа, которые отмечают другие авторы. В чехословацкой, богато иллюстрированной цветными фотографиями, энциклопедии птиц Яна Ганзака оперение вальдшнепа характеризуется мраморным рисунком. В солидном, прекрасно иллюстрированном лучшими художниками-анималистами В.А.Ватагиным, А.Н.Комаровым, М.М.Далькевичем и Н.Н.Кондаковым «Атласе охотничих птиц и зверей СССР» (М., 1952) тонко замечена особенность: «серебристые пятна украшают плечи, крылья и концы черных рулевых перьев».

Кстати, обратимся еще к одной известной чехословацкой книге «Охота в иллюстрациях» А.Б.Герцега, где сообщается, что первые недоразвитые маховые перья вальдшнепа носят как престижный трофей на охотничих шляпах, трофеем являются и пуховые перья из надхвостной части. И есть еще одно интересное перышко на сгибе крыла лесного долгоносика — острое, тугое, оно используется художниками для нанесения акварелью самых тонких, изящных линий.

А теперь попытаюсь передать свое восприятие сложной окраски этой таинственной птицы, сверяя свежие записи с чучелом моего трофея. Голова, шея, грудь и живот имеют общий серый фон с волнистыми коричневыми полосками. На голове, начиная от переднего края глаза, а длиной от бровей до бровей — первая черно-коричневая поперечная полоса с мелкими желто-рыжими пестринами. Через полсантиметра, на затылке, — такая же по цвету вторая, но она чуть уже и короче. От основания клюва до глаз — тонкая коричневая уздечка, переходящая в третью попереч-

ную, но не полосу, а скорее овальную пестрину. Узкая полоска как бы отделяет голову от шеи, расширяясь и переходя в четвертую пестрину, по форме напоминающую усеченный конус. Таким образом, все четыре темные полоски сужаются книзу.

Горло пепельно-серое, под ним коричнево-рыжая «бабочка». Грудь окаймляют такого же цвета «лацканы». Рыжины больше на изгибе крыла, надхвостье, маховых и рулевых перьях. Глаза большие, темно-коричневые. Приведу и размеры. Длина клюва семь сантиметров, крыла — двадцать один, лапы — 14, из них оголенная часть составляет без коготка — восемь. Общая длина птицы от основания клюва до кончика хвоста — 32 см.

Чаще охота на вальдшнепа связывается с весенней тягой. Наша тема — болотно-луговая дичь и к ней больше подходит аксаковская оценка этого кулика: «Вальдшнеп беспрекословно превосходнейшая первая дичь во всех отношениях; он даже первенствует в благородном семействе бекасов, к которому принадлежит, по отличному вкусу своего мяса, по сходству с ним в пестроте перьев, красоте черных глаз, быстроте и увертливости полета, по способу добывания птицы и даже по трудности стрельбы».

Говоря о способе добывания, классик имел в виду именно осеннюю охоту, когда на вальдшнепа ходят с легавыми собаками и спаниелями, как и на других бекасовых (хотя м.б. это название их не совсем точное, но удобное и понятное).

ВЕСЬ этот благородный квартет (как уже убедились читатели) имеет много общего по внешнему виду, местам обитания, суточному циклу активности. Они добывают свой корм тоже, кстати, одинаковый — червей, личинок насекомых, моллюсков, корешки и семена растений — в основном ночью. Поэтому и охотятся на затаившихся, отдающихих птиц практически одновременно, т.к. они могут

находиться на одному лугу, выбирая излюбленные места в зависимости от водного режима и некоторых ландшафтных особенностей.

От охотника требуется знание, где и когда искать долгносиков. С годами открываются и тонкости, чтобы нутром чувствовать: вот в этой лужице есть бекас, а в этой травяной кочке — дупель. Но главное — ходить на красную дичь без собаки так же бестолково, неинтересно и бессмысленно (большие потери времени и трофеев), насколько это занимательно, эмоционально для владельца хорошо натасканной легавой или спаниеля.

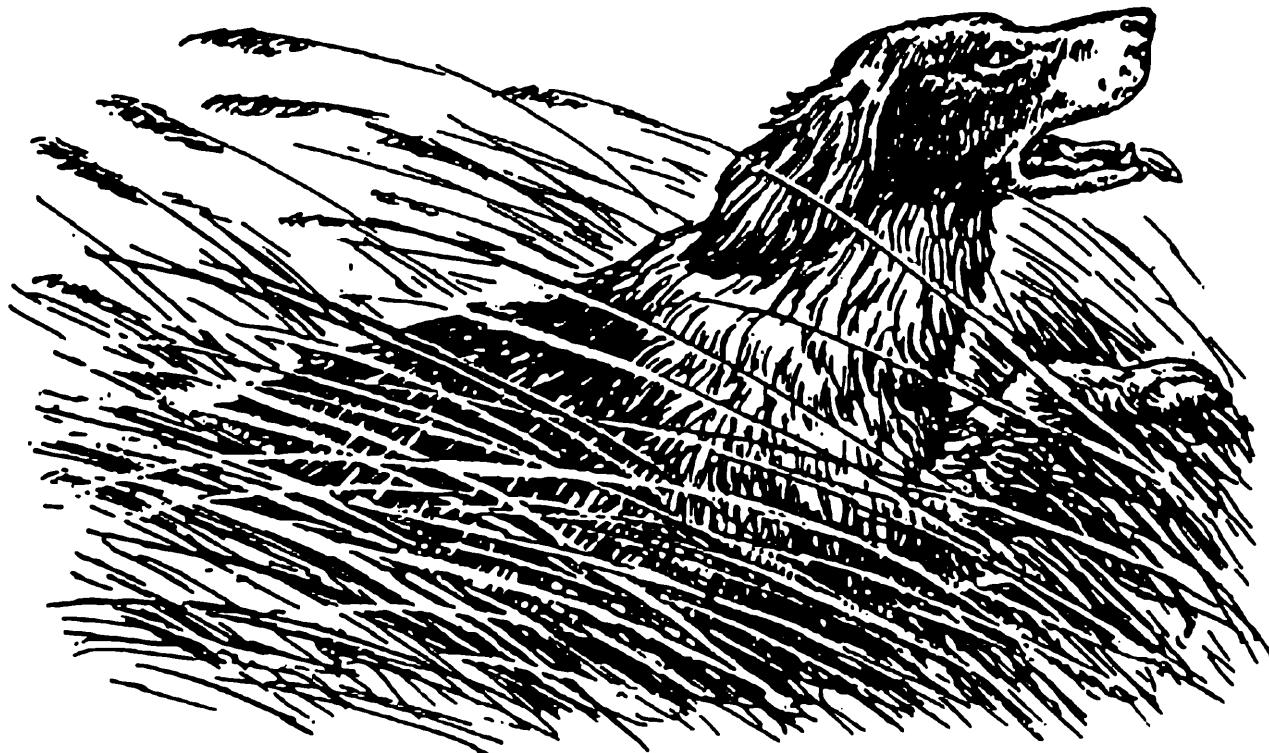
Самыми старыми и классическими породами для болотной охоты являются островные (британские) легавые: пойнтер и три разновидности сеттера — английский крапчатый (лаверак), красный или рыжий ирландский и черноподпалый шотландский (гордон). Обладающие сильным чутьем и красивым поиском, они делают стойку над обнаруженной затаившейся птицей. Такая позиция, указывающая охотнику на непосредственную близость дичи, заложена генетически многими поколениями, и даже несмышленый щенок может «намертво» встать — замереть у встреченных случайно лягушки или воробьенка.

Болотно-луговая дичь, а также полевая (перепелки) и боровая (выводки тетеревов и глухарей) — узкая специализация пойнтеров и сеттеров. Брать их на утиную охоту в старые добрые времена считалось зазорным для настоящих охотников и вредным для собак.

В последние десятилетия получают распространение континентальные (европейские) легавые, чаще немецкие — курцхаары (короткошерстные) и дратхаары (жесткошерстные). Сильные, чуть крупнее островных, собаки более универсальны, работают и по уткам, и даже по зверю, вплоть до преследования по кровяному следу. Способные при соответствующей тренировке к стойке, они успешно применяются на болотной охоте, но это не их основная профессия.

До установления ранних сроков болотной охоты я пятнадцать лет ходил на уток с русскими спаниелями. К открытию сезона на водоплавающих кулики в большинстве улетали и были случайной добычей. Только аномально теплой и сухой осенью 1967 года под Салехардом я взял со своим первым спаниелем Джойкой больше десятка бекасов за два выходных дня. Получив неожиданное удовольствие от спорой стрельбы, работы собаки и «помазав», конечно, т.к. дробь была «пятерка», я и подумать не мог, что такая дичь станет смыслом моей охотничьей жизни.

Очень редко удавалось стрелять куликов и под Ханты-Мансийском, куда переехал в 1970 году. К моменту начала специальной охоты на них у меня жил девятипольный спаниель Джек, прекрасный утятник. На его счету за все время было до десятка дупелей и бекасов и три гаршнепа, поочередно поднятые им прямо с тропы при возвращении с поздне-осеннего утиного перелета. К куликам он был рав-

нодушен и, когда находил после выстрела, даже не брал, а только удивленно-презрительно нюхал.

ПОДУМАВ какое-то время о приобретении легавой, я все-таки не стал изменять спаниелям, которых держал с 1964 года. Решил взять щенка и подготовить специально к болотной охоте. Импонировали такие породные особенности как «раннеспелость» и восприимчивость к дрессировке, врожденный челночный поиск в пределах выстрела, красивые «фирменные» прыжки - «свечки», темперамент, энергия, этакая настырность в работе — стремление обнюхать каждую кочку, облазить каждый тупичок озера. Я уже не говорю о чутье и возможности тренировки на определенный запах. Кто лучше спаниелей ищет наркотики? То же и о подаче трофея, здесь лучше спаниеля только, наверное, пудель да специальные аппортировщики дичи — ретриверы.

А по внешности это сеттер в миниатюре, способный проникнуть в заросли, недоступные большой собаке. Плюс ни с кем не сравнимый любитель воды, способный, если нужно, нырнуть за подранком. И, конечно, психологические качества: преданность хозяину, услужливость и понятливость. Они при отсутствии задрессированности и обилия подчас ненужных команд делают спаниеля настоящим партнером охотника, способным не только анонсировать (предупреждать о дичи), но и обходить, нагоняя на стрелка.

В конце января 1984 года у соседа по дому известного местного охотоведа Г.Н.Котова ощенился русский

спаниель, рабочая утятница Лада, привезенная из питомника. Отец семейства, Тим, был приобретен А.М.Антиповым, также охотоведом, в Подмосковье и имел генеалогические корни в бельгийской Королевской охоте.

Поскольку предварительной заявки я не делал, всех щенков, кроме маленькой шоколадно-пестрой спаниельки-последыша, разобрали. Выбора не было, но и время, оставшееся до осенней охоты, поджимало. Я согласился забрать малышку и не ошибся. Когда Г.Котов принес полуторамесячную Леду, я приласкал ее, посадил у ног и поводил перед мордочкой крылом крякового селезня. Увидев в следящих за движениями глазах интерес, бросил крыло метра на два. И надо же, Леда поспешила к поноске, азартно схватила, принесла ко мне, села и охотно отдала. До этого с ней никто вообще не занимался.

Утиные крылья стали любимыми игрушками Леды, которые она искала и носила по всей квартире.

Летом для двора появилась палочка с привязанным крылом чирка. Так она обучалась поноске, привыкла к «вкусу» пера. Затем почти ежедневный поиск новой игрушки в густых зарослях пырея, привыкание к звуку выстрела (бросал полено в стену сарая и одновременно палочку в траву). Это приспособление она научилась вытаскивать из воды — сначала от самого берега, потом с небольшой глубины, чтобы доставать вброд, и, наконец, — с азартом плавать.

И вот шестимесячная Леда на сырому кочковатом лугу с густой некошеной изумрудно-зеленой травой, расцвеченной пятнами желтых, белых, синих и лиловых цветов. Она впервые в таких зарослях идет по моему следу.

Впереди испуганно взлетел бекас. Выстрел сразил его неблизко. Около примерного места падения Леда сделала два широких круга с верховым чутьем, оба раза возвращаясь ко мне. Пришлось раздвинуть траву и заставить искасть в кочках. Послышалось шумное сопение — бекас найден. Для первого выхода достаточно.

На другой день собака начала активный поиск. Пока беспорядочно бегала передо мной по траве, шумно обнюхивая землю, сделала несколько фирменных спанилевских «свечек» — прыжков над высокой травой, чтобы учуять верховые запахи.

На очень сырью низину, прорезанную старой вездеходной дорогой с лужицами, вышли против ветра. Леда заметно заволновалась, глаза заблестели, обрубок хвоста часто завилял, голова поднята, напряженно нюхает воздух. Рывок, и стремительно вылетает бекас, делая свои характерные зигзаги над травой. Я выстрелил, не дожидаясь его перехода на прямой полет. Облако мелкой дроби остановило юркую птицу. Собака скрылась в густой темно-зеленой траве. Траектория поиска видна только по раздвигающимся змейкой травинкам. Короткая остановка, выход по прямой на колею. И вот уже бежит по дороге с куликом, отдает прямо в руки.

Запах бекаса волнует спаниельку еще сильнее. Снова почуяла дичь, повела, хвостик сильно вибрирует. Пора бы осторожному бекасу вылететь, непонятное промедление. Такое впечатление, что Леда его обходит и выгоняет на меня. Шумно, свечой и даже несколько назад, как бы делая мертвую петлю, поднимается дупель. Выстрел настиг его в зените виража. Леда побежала прямо к месту падения и быстро вынесла трофей на дорогу.

Охота продолжается, и подходит время грубо ошибиться самому хозяину и быть наказанному за излишнюю самоуверенность и недоверие к собаке. Одного, не очень далеко поднятого Ледой бекаса, я имел возможность хорошо выщелить и положил так чисто, что заметил травинку, возле которой он упал. Спокойно стою и смотрю, как бежит собака, в полной надежде, что кулик будет наш. Но вдруг она верхним чутьем резко взяла вправо и, зафыркав, переключилась на нижнее чутье, как будто пошла по следу (что и было на самом деле). Но убежден-

ный, что бекас убит наповал, так как заметная травинка какие-то мгновения трепетала, я резко отозвал собаку. Она вернулась, но вновь посланная, куда мне хотелось, опять сбилась на свое направление. Я снова отзывал ее уже более настойчиво, свистком, и спокойно пошел подбирать бекаса. Но, увы, под заметной травинкой нашел только перышко. Бекас убежал, и я сам ему в этом помог.

К сожалению, продолжать поиск не было времени. Вечерело, мы пошли лугом к палатке. Далеко, вне пределов выстрела, поднялся бекас и маленькой точкой исчез в высокой траве. У замеченного места собака впервые стала искать членком. Бекаса обнаружила далеко в стороне от места посадки, к битой птице пошла по прямой и принесла к ногам.

Следующие субботу и воскресенье мы вновь провели на тех лугах. В красивом поиске, с обоюдным волнением и удовольствием взяли еще пять бекасов и дупеля. За шесть выходов экзамен на красную дичь был выдержан.

Главная задача — привить любовь к такой дичи, ее запаху, привычку к «вкусу» пера, отработать поиск на лугах, пробудить внутреннее желание собаки находить именно этих птиц, предпочитая другим.

Леду больше всего волновали дупели. Как-то сырьим пасмурным утром, когда запахи куликов словно висят в воздухе, она галопом начала носиться по лугу с валками склоненной травы. Почти подряд, навскидку, я взял пару нагнанных ею встречных дупелей. Пока заряжал ружье, собака стала тропить вокруг меня и выгнала кулика совсем рядом, но за спиной. Дуплет был безрезультатным. Услышав свист кроншнепа, присел, подманил и положил его недалеко. Леда подбежала, схватила, пронесла почти бегом несколько метров, резко остановилась, бросила, словно выплюнула, и взволнованно потянула в сторону. Небольшая подводка — и прямо на меня красиво вылетел переместившийся дупель. И такой момент был не один.

С 1984 года я совершил с Ледой 63 выхода на болотную охоту, добыв 83 бекаса, 88 дупелей, одного гаршинепа и одного вальдшнепа.

Среднее количество трофеев невелико — около трех птиц за охоту. Были совершенно пустые дни и целые сезоны, когда луга или поздно освобождались от воды, или, наоборот, сильно обсыхали. Но случались редкие рекордные дни и даже сезоны.

Например, 1988-й — год бекаса. Умеренный паводок, нормальный сход воды с поймы, богатый травостой. Сухое лето обусловило концентрацию болотной дичи в сырых местах. Бекасы держались днем в заросших травой ручьях с высокими берегами, в ложе почти высохших озер и прибрежной траве, в болотистых низинах. И дупели были недалеко — по краям этих сырых мест, а порой прятались прямо на суходоле и в отросшей стерне сенокосов.

Мы взяли в том сезоне за девять охот 33 бекаса и 14 дупелей. Первое скопление нашли у большого болота с редкой травой и топким озером посередине. Кулики взлетали далеко. Три промаха подряд, но бреду, утопая в грязи, за Ледой на другой берег с высокой травой. По пути берем все-таки пару долгоносиков. Грязная и мокрая собака подносит трофеи. Реванш ждет на более сухом месте. Леда подводит меня поочередно к четырем бекасам и быстро разыскивает битых в травянистом кочкарнике.

Рекордный выход. Вторая половина дня, влажная и теплая. Аромат обильно цветущей мяты, кажется, перебивает все луговые запахи. Но только не для Леды, которая особенно далеко чует дичь в такую погоду. На длинной и широкой низине, начинавшейся из озерного тупика, бекасы начали взлетать очень далеко, как-то испуганно и круто, словно камешки из рогатки.

Не сдержался — дал пустой дуплет. Потом к взаимному удовольствию берем пару подряд. Снова два промаха, еще трофей. Переходим к озеру с твердыми берегами и густой

оторочкой из осоки — удобное место для стрельбы да и кулики сидят плотнее. Не заметили, как выполнили норму — десять штук, а птицы продолжали взлетать. Из одной лужи на стерне враз выпустили около десятка бекасов, а видели их всего больше полусотни. И судя по времени, это были не высыпки пролетных, а местные скопившиеся птицы.

Годом дупеля был 1990-й. Лето не предвещало ничего хорошего — с конца июля до десятого августа шли дожди, было холодно, всего 8-10 градусов днем. Потом прояснило, но влажных мест образовалось много. Дупель сосредоточился на стерне, суходолах, по окраинам болотец. Бекасы тоже были на выкошенных лугах, предпочитая низинки, затопленные места в колеях сенокосных дорог и дождевые лужи на стерне. За шесть охот добыли 30 дупелей и 18 бекасов. Бывало, брали за выход (как правило, полдня — с утра или с 15-16 часов) семь-восьмь дупелей, иногда по четыре-пять на одном лужке.

Эти сезоны стали вершиной собачьего мастерства да и мне кое-что дали, хотя с возрастом мазать стал чаще. Случались и очень красивые, даже редкие выстрелы: дуплет по дупелям, дуплет по бекасам (что сложнее), наконец, дуплет по вылетавшим враз бекасу и дупелю.

Вот иду по крутому травянистому склону узкого ручьеврага с безводным, но топким дном, высокие берега его обкошены и аккуратны, как газон. Лeda носится вдоль и поперек, чуяочные наброды, успевает обследовать и стерню. В очередной раз, спускаясь вниз, она повела ко мне навстречу и с самого дна выгнала дупеля. Он поднялся свечой, быстро набирая высоту, чтобы вылететь из ручья. Увидев меня, начал делать немыслимый выраж и подставил свой поперечно-полосатый толстый живот. Траектория такая крутая и кривая, что я промахнулся. Достал только вторым выстрелом, и он колесом упал на покос. Но собака не бросилась за ним, а повторила обходной маневр, выста-

вив еще одного встречного дупеля с вертикальным взлетом.

В НАЧАЛЕ 1993 года Леда умерла, проработав всего девять сезонов, но каких — в среднем по семь охот. Два месяца я впервые за многие годы жил без собаки и, признаюсь, чувствовал себя не только неполноценным охотником, но и человеком. Весной в доме появилась полуторамесячная Ледина правнучка из известного в Казани гнезда русских спаниелей С.А.Тукмакова. Красивая, трехцветная, стройная, шустрая и слегка сердитая, спаниелька имела в справке о происхождении немало обладателей отличного экстерьера, полевых дипломов и «абонентов» Всесоюзной родословно-племенной книги охотничьих собак.

Опыт многолетней работы с Ледой намного облегчил мне подготовку следующей собаки. Я назвал ее Радой и стал воспитывать с первого дня. Начал с проверенного шага. Крыло кроншнепа, брошенное мною, она как-то по-кошачьи игриво схватила, принесла, легла у ног, но отдавать не захотела. При попытке отобрать поноску глухо заворчала, но карие глаза ее светились лукавинкой — а ну-ка, отними.

Отнял, бросил — схватила более азартно, принесла. Потянул руку — отбежала на шаг, села. Я принял игру и отвернулся. Смотрю, подходит и тычет крылом в колени — ну, бери же. Тяну осторожно за кончик, а она, довольная, урчит вроде бы угрожающе, делает зубастое щучье лицо, старается закрыть «добычу» сразу и носом, и лапами. Понял, с аппортом все будет в порядке.

И действительно, только я в дом, а Рада уже навстречу с толстым кожаным поводком-плеткой, пластмассовой жеваной бутылкой или мячиком (крыло прятали, чтобы не разгрызала).

— Давай, хозяин, бросай. Я принесу, но отдам не сразу. С ребенком надо играть, — всем своим видом предлагала она.

Чувство собственности — великая движущая сила. В погоне за поноской спаниелька была готова смести все на своем пути. А если спрячешь куда подальше — перевернет всю квартиру, но обнаружит. Таким образом, и поиск отработался сам собой.

Прыгучесть — породное качество — тренировали с помощью половой щетки с длинной ручкой. Чтобы ухватиться за щетину, Радка была готова сколько угодно прыгать и в высоту, и в длину, в зависимости от маневра.

Весной и летом мы закрепили все домашние уроки на дворе или в огороде при помощи круглой гладкой палочки с привязанными крыльями бекаса и кроншнепа. С каким вниманием следила собака за ее полетом, с какой скоростью мчалась к месту падения, с каким азартом в хищном прыжке на всех четырех лапах хватала обнаруженную поноску!

Команд при дрессировке было усвоено немного. Рабочие: «ищи» (с жестом, дающим направление), «взять» и «дай» и дисциплинирующие: «назад», «нельзя», «ко мне», «сидеть» (с хлопком ладошами или свистом). Считаю, что команда «лежать» низкорослому спаниелю не нужна, а при нахождении в густой траве, где чаще всего и сидят бекасы, даже вредна, т.к. собака «отключается» от процесса охоты, ничего не видит, нервничает. Вполне достаточно ее посадить. Не знаю, как-то само собой, удалось приучить Раду и к поводку. Иногда не хочет сразу подходить: покажешь поводок — прибегает и подставляет голову.

В конце июля — начале августа состоялся десяток походов в грибные леса для физической закалки — и на охоту. В возрасте пяти с половиной месяцев! В том году пойма очень поздно и медленно освобождалась от половодья. На заветных бекасино-дупелиных лугах чуть подсохшее заиленное редкотравье. И ни одного благородного кулика — гнездиться-то негде. Рада, ощущив простор, ошелело носилась за стрекозами, обследовала заболоченную траву, забредала в воду, переплыла небольшой ручей. В первые два

выезда не видели никакой дичи, кроме одного улита. Его безрезультатный обстрел выявил спокойное отношение собаки к выстрелу.

В первом сезоне нам даже выстрелить не удалось по красной дичи (не встречалась). Зато в 1994 году за семь охот с Радой добыли четырех дупелей и 16 бекасов.

Первого поднятого ею бекаса Рада взяла после выстрела очень быстро. А другого — вообще не нашла, хотя мы вместе вытоптали озерный подтопленный тупик площадью, наверное, в сотку. Зато третьего обнаружила в более сложных условиях. С перебитой лапой он утянулся за озеро, которое собака переплыла, сделала только одну дугу и поймала еще живого кулика.

Поиск ее стал шире, хотя «челнок» не всегда получался. Иногда убегала в сторону, а иногда резво скакала по траве кругами. Приходилось удерживать свистком и голосом. Вдруг остановилась, понюхала землю, пошла по набродам. Подняла голову, повела носом и как-то боком начала осторожно подходить к маленькой низинке. Чувствую — дупель. Бекас бы уже давно взлетел. А этот без обычного шума поднялся из-под носа собаки и, не спеша, полетел. Я отпустил его подальше, чтобы не разбить кучным снарядом, и выстрелил, а Рада «в узерку» взяла на кошенине.

На следующей охоте бекас упал в озеро у затопленной травы. Рада заплыла, учゅяла и поднесла ко мне. Но у ног легла на него, как на любимую кость, прикрыв головой и лапами. При попытке взять беззлобно рычала и показывала зубы. А отпустив, несколько раз подпрыгнула, чтобы выхватить из рук. Другого отдала, но пыталась кусать в тороках.

Я понял: запах «закреплен», азарт есть, теперь отработка подбора. Расскажу о последнем дуплете сезона. Рада старательно обыскивала два длинных узких озера, переплывая с берега на берег, а я шел рядом по стерне. Пусто. На пути оказалась круглая заросшая по краям густой тра-

вой лужа с зеркальцем воды метра три на три. Спаниель стоит в воде, принюхивается. Я отворачиваюсь и ухожу. Слышу отрывистый лай. Рада на берегу, над ней два бекаса. Бью дальнего — промах. Ближний после выстрела резко идет вверх и летит вдоль озер. Над вторым он останавливается и, часто махая крыльями, опускается в прибрежную траву.

Заметив примерно место, иду в обход озер и теряю ориентир. Но Рада, переплыв оба водоема, уже крутится на месте падения кулика. Вдруг бежит ко мне, встречает и по своему следу в некошеной траве ведет к озеру. Там три-четыре минуты поиска. Слышу фырканье, сопение, раздвигаю над собакой шатер травы и вижу, как Рада с горящими глазами жадно нюхает бекаса, ставшего ее любимой дичью.

Осень 1995 года — мой тридцатый охотничий сезон со спаниелем. Весенний разлив не затопил всю пойму, и на традиционных сенокосах выросла низкая, редкая, чахлая трава. Более или менее густой травостой образовался лишь на низинах, поздно освободившихся от водополья. На наших постоянных угодьях красная дичь почти не гнездилась. Добыли за пять выходов одиннадцать бекасов и двух дупелей, но зато без потерь. Рада работала старательно, красиво, временами артистично и абсолютно результативно.

Вместе с тем проявилось и то самое предпочтение к запаху бекаса, как у Леды по отношению к дупелю. Подходим к небольшому водоему, образовавшемуся в длинном глубоком ручье. Оторочка озера и туники низины заросли густой темно-зеленой осокой, частично затопленной. Высокие берега почти лысые, с отдельными куртинами вейника, вербейника и тысячелистника.

Рада, ведомая верхним чутьем, спускается по крутым склону, я поднимаю ружье и стреляю быстрым дуплетом по вылетевшим враз чирку и бекасу. Они падают за озером

недалеко друг от друга. С высоты мне хорошо видно, где, у каких травяных кустиков. Маленькая собака, естественно, из ручья это не видела, поэтому пробежала чуть дальше, сделала дугу и сначала уловила более острый запах утки, поскакала к ней галопом. Вдруг резко остановилась, повела носом, подняла лапу, замерла, как легавая, бросилась к бекасу и поймала его чуть в стороне. Принесла и, как по компасу, пошла за уткой, которая отбежала уже метров на 10-15.

А теперь представьте двести таких волнующих моментов, увенчанных трофеями или переживаниями, связанными с промахами, «зевками», а иногда с потерей подранков. Это десятки неповторимых картинок природы, собачьей мудрости, красивых выстрелов, новых находок, связанных с повадками благородных птиц. Разве неинтересно!

III. Королевские кулики

КОРОЛЕВСКИМИ или коронными куликами (в переводе с немецкого) называют кроншнепов. Наибольший охотничий интерес представляет самый распространенный из них и самый крупный из всех куликов — большой кроншнеп. Есть у него и другие названия: кулик-дуга, курли, котрус, фируль, болотный зуй, кульон, степной, горный, польский или кривоносый кулик. По В. Далю — пастух, конепас, большой степной кулик, степняк, степняга.

Мне довелось подержать в руках более двухсот осенних больших кроншнепов, что позволяет судить о их размерах и окраске. Это очень красивая, стройная птица длиной до 75 сантиметров и весом до килограмма с небольшим (с добрую утку); крыло 45-53 см. Прежде всего, примечателен длинный изогнутый клюв, мягкий, но с роговым кончиком. Обычная длина его по хорде примерно 12 сантиметров, бывает и до 15 с половиной см, но двадцатисантиметровых, как пишут некоторые авторы, не видел.

В основном у нас встречается восточный, более светлый подвид. Общий тон оперения серо-бурый. Голова сверху чуть темнее за счет пестрин. Песочная шея и почти белая грудь в узких продольных пестринах. Крайние маховые аспидно-черные, средние с белыми пестринами. Кроющие темно-коричневые, но с соломенно-желтым окаймлением, поэтому в солнечный день на близком расстоянии кулики кажутся золотистыми. На спине коричневого больше, так как светлое окаймление уже. Надхвостье белое, ближе к хвосту продольные пестрины с желтизной. Рулевые белые с поперечными темно-коричневыми полосками. Подхвостье белое.

Западного кроншнепа я добывал только один раз — 1 сентября 1995 года. Он вылетел, поднятый Радой, из некошеной травы, как дупель или бекас. Когда я взял его в

руки, то с удивлением отметил, что он и похож на них по общей окраске. Это был взрослый экземпляр 700 граммов весом. Длина 63 см, крыло 48. Клюв 12,5 сантиметра, сильнее изогнут. Общий фон оперения светло-коричневый, намного темнее, чем у восточного собрата.

Голова в густых коричневых полосках, можно сказать, коричневая со светло-коричневыми полосками. Шея и грудь светло-коричневые с узкими темно-коричневыми полосками-штрихами. На животе фон тот же, но пестрин меньше. Хвост светло-коричневый с поперечными темно-коричневыми пестринами на рулевых. Надхвостье светло-коричневое, спина и кроющие темно-коричневые с продольными светло-коричневыми полосами, крайние маховые — почти черные. Подкрылья кремовые.

Мне думается, что в самом виде кулика, его голосе, ярком инстинкте стайности, просто бесшабашном стремлении подлететь на зов раненого товарища или спикировать вслед за сбитой птицей — есть что-то от глубокой древности, мистическое и загадочное, как у вальдшнепа.

Недаром он похож (особенно своим клювом) на священную птицу ибиса, которому поклонялись египтяне.

Весной 1995 г. в одной из галерей Бельведера в Ватикане я увидел на стене изображение двух серпоклювых птиц. Это оказалась копия фрески из известного «Золотого дома» римского императора Нерона. Вначале я так и подумал, что нарисованы ибисы. Но сравнив фотографию (а она получилась темноватой из-за строжайшего музеиного запрета на применение вспышки, да и сам фон фрески был темно-красный) с описаниями разных ибисов, понял, что это не они. Тот самый африканский ибис вообще не имеет на голове перьев, да и другие его собратья в разной степени лысые. Из европейских похожих птиц оставалась каравайка, но у нее по-другому оперены ноги, короче хвост и голая уздечка (кожистая вершина клюва доходит до глаз). В журнальной статье я высказал только предположение, что изображены

большие кроншнепы, но последующая добыча особи их западного подвида заметно прибавила уверенности в этом.

Весной кроншнепы прилетают в первой декаде мая. На пролете я чаще встречал одиночных птиц или небольшие (две-четыре птицы) группы. Видел и большие стаи, но редко. Восьмого мая 1983 года наблюдал в окрестностях Ханты-Мансийска токование больших кроншнепов в полете. Две птицы, летевшие метрах в сорока от моего скрадка над иртышской протокой, достигнув берега, подняли крылья и начали парить по бокам и чуть сзади третьей (очевидно, самки).

Они издавали звуки, похожие на тетеревиное бульканье, только нежнее и звонче. Доводилось слышать кулика и при токовом полете, когда самец взлетает по дуге, дрожа крыльями, потом высоко поднимает их, так, что концы почти соприкасаются, и спускается с мелодичной трелью, как это делают и некоторые мелкие кулики... Видимо, такую песню большого кроншнепа имел в виду С.Т.Аксаков, когда писал, что «его звучный, колокольчиком заливающийся голос, больше всех других птичьих голосов одушевляет однообразную равнину».

Но охотятся на кроншнепов только осенью, когда они возвращают о своем появлении на высоких пойменных гравах звонким флейтовым посвистом «кью-иить, фью-виить» (кто как улавливает). Здесь, по сенокосам, кулики пасутся на кошенине или отаве, улетая днем и вечером на водопой и отдых к обмелевшим протокам.

Взять такой завидный трофей нелегко. Интересную характеристику дал ему А.Брем: «робок, осторожен, недоверчив, самоуверен и труслив». К тому же птица общественная, стайная, что еще более затрудняет скрадывание на открытых лугах и берегах. Охотники подходят к пасущимся куликам по густой кромке некошеной травы, из-за стогов и копен, а на протоках — из-за кустов. Некоторые, определив линию полета, устраиваются на гриве между лу-

гом и водоемом, где «встречают» долгоносиков, прилетающих на пастбище и улетающих на отдых. Поскольку кроншнеп довольно мясистый, а стрелять чаще приходится далеко, надежнее дробь 4-5 номеров.

При охоте «в засидке» очень эффективно применять профили куликов, сделанные из фанеры или древесно-волокнистой плиты с жестяным клювом (иначе сломается).

В полете кроншнепы менее осторожны. Если присесть в траве и спокойно, но громко имитировать его голос, можно подманить на верный выстрел и тогда уже стрелять дробью — «шестеркой» или даже «семеркой».

Что касается использования собак, то, конечно, никакую стойку легавой или азартную подводку спаниеля кроншнеп не выдержит. При охоте с подхода для собаки нужны прежде всего дисциплина, умение спокойно идти «за ногой» хозяина. Аппортировать (подавать) трофей или догонять подранка на хорошо просматриваемой кошенине очень просто.

Розыскные качества нужны при поиске битой птицы в густой некошеной траве. Бывает, что трофей падает в озеро или протоку, значит, собака не должна бояться воды. Словом, охота на королевских куликов далеко не раскрывает всех способностей подружейной собаки, она является как бы прелюдией к походам за дупелями и бекасами.

Тем не менее, как и всякая охота, кроншнепиная по-своему увлекательна. Своего первого кроншнепа я добыл осенью 1946 года. Тогда охота открывалась 15 августа и куликов было великое множество. Помню, возвращаясь с друзьями из похода за грибами, мы подняли стаю из нескольких десятков птиц на овсяном поле почти в черте города. «Кроншили! Кроншили!» — закричали ребята. А как-то, собирая голубику по склону горы, столкнулся с кроншнепом «лицом к лицу». Он клевал ягоды, наверное, в трех шагах и не обращал на меня внимания.

Стрелять же впервые пришлось из окошечка конного

двора, стоящего у озера. Кулики паслись на куче навоза, а после выстрела отлетели к берегу. Я прицепил трофей, подкрался, хотел выстрелить «под пару» и промазал. Мгновенно сообразил, что есть второй ствол, и сбил кулика над водой. Водоем был неглубокий, но заросший густой, мягкой, плавающей травой. Трудность состояла в том, что обеими руками нужно было поддерживать широкие раstrубы отцовских бродней. Зато до самого ледостава была явственно видна моя боевая тропа — извилистая полоска примятых водорослей. Я мог ежедневно видеть ее из своего дома и прямо из города показывать место, где сбил кроншнепа влет да еще дуплетом.

Стрелял их и в последующие годы, но как попутных птиц, главной дичью всегда оставались утки. Специальной охотой на королевских куликов начал заниматься в 1981 году с открытием льготных сроков. И здесь Джек оказался идеальной собакой. По лугам он был приучен ходить только рядом с хозяином и особую осторожность соблюдал при подходе к водоемам, чтобы не вспугнуть чутких уток вне выстрела. Такая дисциплинированность просто необходима при охоте на осторожных кроншнепов. В первое время старательно искал трофеи в густой траве, выносил из воды, из топкого ила обмелевших ручьев. Но, увы, это было его десятое поле. В следующие два сезона он начал заметно сдавать, стал плохо видеть и слышать — пора было на пенсию.

С 1984 года, когда появились специально подготовленные к болотной охоте Леда, а потом Рада, я ежегодно делал записи о выходах на кроншнепов. Особенно много их бывает, когда лето сухое и знойное. Из шестнадцати сезонов 1989 год можно назвать «годом кроншнепа» — тогда взяли с Ледой за семь охот 35 штук. Неплохой выход был в 1987 году — 22 птицы. А в 1991 году конец лета был холодным и сырым, кулики рано улетели на юг, добыл только шесть.

Надо сказать, что к кроншнепам Леда питала откровенную неприязнь. Я заметил это на самой первой охоте, когда

свистком подманил пару взлетевших со стерни куликов. Оба падали с высоты в редкую траву. Собака их видела, без труда находила, нюхала, трепала, но не брала.

Во время второго выхода опять налетели два кроншнепа. Дальний шел над речкой, и я специально выстрелил по нему, чтобы испытать собаку на глубине. Шестимесячная Леда подплыла и, еще не зная, как брать большую птицу, схватила за шею, ближе к голове. Пока плыла, буксировка вроде бы шла normally, но когда пошла по дну, кроншнеп, почти равный ей по длине, если считать с клювом, запутался у нее в передних лапах или она в нем. Смотрю, поднимает голову выше, выше, но кулик все равно мешает идти. Отпустила, мгновение посмотрела, схватила за хвост.

Здесь же добыли еще трех королевских куликов. Одного собака только понюхала, другого потрапала, а третьего немного пронесла и бросила. И с тех пор она выносила их только из воды или топких мест, а на сухом старалась ограничиться розыском — бери, дескать, сам, они мне противны. Тем не менее за девять сезонов взяли кроншнепов немалое количество — 134 штуки.

У Рады отношение к королевским куликам сложилось иное, более агрессивное. В первом поле (ее учебным пособием, кстати, было крыло кроншнепа), многоводном и сырором 1993 году, выстрелить по ним не удалось — только видел стайку из шести птиц, которые даже не прореагировали на свисток, хотя летели недалеко. Зато второе и третье поле были урожайными: 37 кроншнепов за двенадцать выходов.

Первый ее королевский кулик, обстрелянный бекасиной дробью, упал метров за 300 на некошеный луг. Рада сделала на том месте два круга, потом дугу, подняла голову и метров двадцать уверенно шла к нему по прямой. Второго вынесла из густой приозерной травы с необыкновенно важным и гордым видом. Не успела мне его отдать, как на стерню выбежал подранок с перебитым крылом. Рада бросилась к нему, но кулик развернулся, выгнулся, словно петух,

шею, распустил здоровое крыло и с резким каркающим пронзительным криком пошел в атаку. Собака от неожиданности ретировалась, как всегда при опасности, под ноги к хозяину. Добитого кулика она крепко потрапала и принесла. С тех пор всех кроншнепов-подранков она с какой-то яростью давила, жадно хватала и приносила. Особенно ее приверженность к кроншнепам проявилась в 1995 году, когда она трижды пробегала с ними мимо меня, относила к машине и довольная возвращалась.

ВТОРОЙ, пока еще охотничий вид — средний кроншнеп — встречается у нас значительно реже и добывается в основном попутно. Специально поохотиться на них довелось лишь осенью 1956 г. на лесотундровых полях Салехардской сельхозопытной станции. В обеденный перерыв я ходил на куликов как на куропаток, выпугивая из голубичника, где они кормились спелыми ягодами. Вечером переправлялся на лодке через пойменную проточку и стрелял во время водопоя или отдыха на илистых берегах. Замечу, средний кроншнеп более доверчив.

Этот кулик имеет народное название — трескун, т.к. голос его глушее, чем у большого. Он поменьше и в целом светлее окрашен. Главный отличительный признак — светлая полоса посередине темной головы и светлые брови. Всего я добыл около полутора десятков средних кроншнепов и, чтобы уточнить свои представления об окраске, посмотрел более десяти серьезных источников, дореволюционных и современных, русских и зарубежных.

Мне казалось самым верным аксаковское описание. Серо-пестрый, покрыт бледно-коричневыми пятнами или крапинами; на спине и крыльях они крупнее и темно-коричневее, а на шее, голове и груди — мельче, желтоватее, светлее; брюхо почти белое. Хвостовые перья сверху пестрые, а снизу почти белые; надхвостье белое, хвост короткий. Здесь речь идет о юго-западном подвиде среднего кроншнепа, доходящего на восток до Оби. Есть у нас и второй подвид — западно-сибирский, который отличается общим более светлым тоном.

А вот описание среднего кроншнепа, добытого мною в сезоне 1995 года. Вес полкилограмма, общая длина от кончика клюва до кончика хвоста 43 сантиметра; крыло (по хорде) — 36 см, лапа вытянутая 17,8 см; клюв 7,8 см. На голове, над узкими светлыми бровями, шапочка шоколадного цвета с узкой прерывистой светло-серой полоской. Верх

— спина и крылья — темно-серые, точнее, коричневые с мелкими светло-серыми пестринами. Маховые перья черные со светло-серыми каемками. Надхвостье не чисто белое, как по Аксакову, а с пестринами. Хвост темно-серый, живот и подхвостье белые. И опять же, в отличие от аксаковского описания, на голове, шее и груди не пятна и крапины, а продольные узкие коричневые полоски по светло-серому фону.

Всего в бывшем СССР отмечалось шесть видов королевских куликов. Самый восточный, эскимосский, по имеющимся данным, уже истреблен. Ныне здравствующий дальневосточный очень похож на большого и также разрешен к добыче.

Два других, как редкие исчезающие виды, занесены в Красную книгу России и подлежат охране. Позже расскажем о них подробнее.

Несмотря на то, что кроншнеп — весьма заманчивый трофей, многие старые охотники как-то жалеют этих птиц. А прощальные осенние крики их в вечерней звенящей тишине, по-моему, способны взять за душу любого человека. Тем более, есть повод относиться к ним как к священным птицам. В нормах ежедневного отстрела для крупной дичи обычно делаются ограничения. Например, разрешается добывать семь водоплавающих птиц, в том числе только одного гуся или семь боровых, в т.ч. только трех тетеревов. Думается, что подобное надо применять и при охоте на болотных птиц, установив общую норму десять птиц, в том числе только трех кроншнепов.

IV. Попутная дичь

НА цветущих осенних лугах Обь-Иртышья немало и других интересных объектов спортивной охоты по перу. Я называю их попутными птицами, поскольку специально за ними пока никто не охотится, а большинство вообще игнорирует как дичь.

Среди куликов, достойных внимания охотников, можно выделить из крупных (после кроншнепов) — веретенников, из средних — турухтанов, которые стайками начинают появляться на илистых топких берегах обмелевших проток и ручьев в конце июля-начале августа и очень рано улетают на юг. Причем турухтаны идут кучно и беспорядочно, а веретенники — стройным тупым углом.

Несомненно, на первом месте и по красоте, и по величине стоит большой веретенник — ближайший родственник кроншнепов. Очень стройный изящный кулик на высоких ногах. Клюв длинный, тонкий, чуть загнут вверх, по цвету черно-бурый, у основания желтый. Сам кулик рыжевато-бурый, живот светлый, надхвостье чистое белое, а хвост черный. На лету заметно белое поле на крыльях и ноги, выступающие за край хвоста. Может, потому и получил свое название, так как в профиль похож на веретено. Есть другая версия — от слова «веретья» — сибирского названия высокой, обычно сенокосной гривы (берега), граничащей с речками, протоками и пойменными разливами.

Малый веретенник — более северный вид, бывает у нас пролетом. Он заметно меньше, не такой стройный, ноги короче, клюв прямой. Вот описание особи, добытой в 1995 году. Основание клюва с желтизной. На голове, как и у среднего кроншнепа, шоколадная шапочка с мелкими продольными серыми полосками. Лоб с рыжинкой, шея серая, горло с рыжим, грудь и бока с кремовым оттенком. Спина и кроющие перья крыла окрашены почти как у большого крон-

шнепа. Крайние маховые также черно-аспидные, подкрылья белые. Лапы коричневые — цвета старого шоколада с налетом. Отличительные признаки — нет белой полосы на крыльях; надхвостье белое с легким крапом; подхвостье белое, кончик хвоста снизу покрыт размазанными желтыми и темными полосками. Клюв 7,1 см, длина — 42, крыло — 30 см, вес 300 г.

Народные названия веретенников: большого — евдошка, сукалень, болотный кулик, малого — морской пескарь, рыжая евдошка. Немецкое — «неттигель» — я так и не смог окончательно перевести, с одной стороны получается что-то типа «миловидный петушок», с другой — понятие, связанное с кирпичом, что, возможно, определяет окраска этих куликов.

Еще мальчишкой в первые послевоенные годы мне довелось изредка встречать и обстреливать весной (тогда это разрешалось) беспечные неосторожные стайки малых веретенников, отдыхавших на пойменных островах. Добывал иногда и осенью, пока охота начиналась с 15 августа. А потом они как-то исчезли из моего внимания вплоть до открытия специального сезона на болотную дичь.

В этих условиях, правда, не каждый год, стреляю веретенников в первые выходы, если на лугах еще мало благодородных куликов. Охота с подхода на протоках и обмелевших речках неспортивна: в сидящих стрелять — позорно, а в угон — очень легко. Да порой по топкому берегу даже и на выстрел не подберешься — завязнешь. Лучше устроиться на каком-нибудь мыске недалеко от воды и стрелять влет самой мелкой дробью.

Собака здесь обязательна как для подачи с воды, так и с илистых отмелей. И водяной спаниель опять же предпочтительнее островных сухопутных легавых. Может он вполне посоперничать и с более сильными континентальными легавыми, поскольку нагрузка невелика. С Ледой мы взяли за девять сезонов одиннадцать больших и малых веретен-

ников. Самого первого сбил холодным, сырым, ветреным утром над глубокой и широкой протокой. Он летел низко, упал на противоположный берег. Собака, занятая поиском в траве, его не заметила. Я пошел к знакомому броду. Но ил был очень вязкий, зачерпнул в сапог воды и решил подняться на гриву, чтобы отжать портянку. Тут Леда с высоты увидела кулика, но не бросилась сразу, а побежала по твердому берегу обратно, спустилась точно в створе и сплавала за трофеем.

В следующий раз почти на том же месте положил трех малых веретенников в воду у другого берега с интервалом метров семь-десять. Собака сплавала за одним и снова — в протоку. Смотрю, плывет немного в сторону. Понял, рассмеялся, но корректировать не стал. Между куликами торчало затопленное ведро, которое она добросовестно обнюхала, а затем вынесла остальных птиц.

Однажды под вечер мы возвращались с дупелиных лугов, добыв шесть долгоносиков. Леда, прихрамывая, брела за мной. Иногда садилась, поднимала ободранную в кровь на сухой стерне переднюю лапу и скулила. Над протокой стайка за стайкой шли пролетные малые веретенники. Я присел на полуострове и быстро довыполнил дневную норму, взяв четырех куликов. Собачий азарт победил боль, и Леда буквально на трех ногах ходила к воде за трофеями.

У Рады с первым веретенником произошла настоящая схватка. Кулик с перебитым крылом упал в протоку и поплыл к другому берегу. Когда первопольная спаниелька (еще не исполнилось полгода) настигла его, веретенник развернулся, принял боевую позу и клюнул собаку прямо в нос. Хорошо, что она не испугалась, а снова бросилась на трофей и схватила. Дважды он вырывался и только с третьей попытки был взят и доставлен к ногам хозяина. В последующие годы в зубах у Рады побывало еще три таких кулика, вынесенных также из воды.

ТОЧНО так же охотятся на турухтанов. Эти серо-бурые птички встречаются осенью раньше и чаще веретенников. Может показаться, что вместе собрались птицы разных видов — настолько самцы крупнее самок (почти в полтора раза). Турухтаны хорошо известны охотникам по весенним брачным турнирам, которые устраивают пестроокрашенные разноцветные самцы, называемые в народе петушками. В детстве я добывал их на токах десятками и ни разу не встречал с одинаковой раскраской. Каких только ярких цветов не было на их пышных воротниках: рыже-зеленые, серо-синие, бело-черные, крапчатые. Это, кстати, единственный вид из перечисленных нами куликов, у которого самец и самка имеют разную окраску и то только весной.

Раньше и весной, и осенью турухтанов стреляли подростки как наиболее доступную дичь, тем более в ходу были дробовики маленьких калибров: 24, 28, 32. Взрослые охотники били редко, только «на котел», чтобы поесть более вкусного, чем утиное, мяса. Было их великое множество. Как-то

лет сорок назад поднял осенью такую «тучу», что снял на дуплет 27 петушков.

Конечно, по сравнению с красной дичью турухтан не интересен, и я давно уже стреляю их только для натаски собак. Тем более, в отличие от веретенников, они встречаются на лугах. Когда мало бекасов и дупелей — все же какая-никакая работа спаниелю.

Кстати, эти кулики стали самыми первыми трофеями Леды и Рады. Когда я застрелил кулика над протокой метрах в трех от берега, чтобы собака могла взять его вброд (вдруг испугается заплыть), Леда схватила добычу и понесла. Однако старый Джек бесцеремонно отобрал у нее птицу и ревностно аппортировал лично. Хорошо, что только привязал старика к талине, как над протокой появился еще один такой кулик. Леда буквально рванулась к нему, разбрзгивая мокрый ил, заплыла и торжественно принесла на высокий берег. Всего за девять сезонов она подала 15 турухтанов.

У Рады счет относительно намного больше — 18 за три поля, а практически за одно первое. В том году пойма очень поздно и медленно освобождалась от половодья. На заветных бекасино-дупелиных лугах чуть подсохшее заиленное редкотравье. И ни одного благородного кулика — гнездиться-то негде. В первые два выезда не видели никакой дичи.

В следующий выход над небольшой затопленной низиной-лужей я сбил пару турухтанов. Рада с ходу вытащила одного вброд. Пока прицеплял к торокам, она вынесла второго и, не выпуская из зубов, уселась метрах в пяти. Словно напоминала, что у нас есть «скорострельный» фотоаппарат. Полез было за ним, да увидел снова подлетающих турухтанов. Положил кулика на чистую воду. И когда Радка за ним бегала, успел отснять минифотофильм из шести кадров. В течение трех выездов отрабатывали на турухтанах подачу с воды. Подранка, убежавшего вверх по противоположному берегу метров за 200, она настигла по следу у

параллельного ручья. В общей сложности сделала больше десятка аппортов, и это была неплохая тренировка.

Тема нашей книги — охота со спаниелем, поэтому вряд ли представит интерес информация о том, что на ручейно-речных куликов охотятся из скрадков, иногда даже с профилями.

И НА весенней, и на осенней пойме можно встретить множество других оседлых и пролетных куликов, в том числе очень мелких, на которых просто жалко поднимать ружье. Но тем не менее, все они считаются дичью и разрешены к добыче.

Наиболее представлен род улитов. Из них чаще попадает под выстрелы охотников большой улит (примерно с турхтана). В полете похож на веретенника отставленными за конец хвоста ногами. Клюв слегка загнут вверх. Окраска бело-серая. Крик: «витли-витли». На него похож травник, встречающийся в южной части округа. Отличается красивым цветом ног, белой полосой на крыле и пестринками по низу. Оба любят травянистые берега озер и проток. Есть еще краснолапый кулик-щеголь, более северный вид. Его легко узнать по аспидно-черной окраске с белым крапом на спине, низ белый.

Из мелких улитов назовем самых заметных. Это житель речных берегов серый куличок-перевозчик, который часто летает над речкой с одной стороны на другую, обгоняет идущие лодки, садится на затопленные коряги или плывущие бревна и кричит свое «пол-ведра, пол-ведра», видимо, назначает цену за «перевоз».

Здесь же бегает суетливый и вездесущий фифи, темно-серый, размером со скворца. Вот он резко остановился и раскачивается на лапках с возгласом «гип-гип» — «гип-гип». Так и ожидаешь, что за этим кличем последует «ура!» Повсеместно распространен небольшой улит-мородунка. Его характерные особенности: дымчато-серая окраска и тонкий

клюв, загнутый вверх как сапожное кривое шило.

Много мелких куликов принадлежит к роду песочников. Они гнездятся преимущественно в тундре, а негнездящиеся особи обитают повсюду. Более известны среди них рыжебурый краснозобик и самый маленький кулик-воробей.

Иногда к утиным манчикам подсаживаются маленькие кулики-плавунчики. Они быстро плавают, загребая лапками с кожистыми лопастями-веслами на пальцах. У нас встречается круглоносый плавунчик — черно-серый, с рыжими пестринами, низ у него белый, шея ярко-рыжая.

Бывают кулики, явно непохожие на остальных своих длинноносых собратьев. Например, к куликам относится всем известный черно-пестрый хохлатый чибис с характерными широкими и тупыми (я бы сказал, кривыми) крыльями. Кулики из рода ржанок — довольно крупные птицы с относительно короткими прямыми клювами, большой круглой головой и толстой короткой шеей. Это живущий в тундре черно-пестрый тулес и встречающаяся в лесной зоне золотистая ржанка, название которой говорит само за себя.

По берегам рек и озер можно видеть похожих по фигуре на ржанок, но маленьких куликов из рода зуйков. Более северный вид — галстучник — чуть крупнее. По окраске они похожи: черно-пестрые, белолобые, имеют черную попечечную полосу на зобе (галстук) и такую же, идущую по голове через глаза к шее.

Из всех них я считаю объектом охоты только большого улита да, может быть, травника, хотя в детстве приходилось добывать ржанку, тулеса, мородунку, перевозчика, фифи и даже плавунчика и воробья.

К болотно-луговой дичи относятся не только кулики. Есть птицы довольно редкие и почти невидимые из-за скрытного образа жизни. Они к тому же мало и неохотно летают. Их легче услышать, чем увидеть. Но охота на них с хорошо поставленной собакой очень интерес-

на и спортивна. Причем, как ни странно, не по стрельбе, а по самому поиску и наблюдению за особым, более эмоциональным и интеллектуальным поведением своего можнатого партнера.

Это представители семейства пастушковых. Наиболее известным в народе является коростель (дергун, дергач) — великий пешеход. До сих пор существует поверье, что он отбывает осенью на юг пешком и так же возвращается весной к местам гнездования. Знакома и его страстная песня, если так можно назвать многократные громкие звуки «дерг-дерг» или «крэн-крэн». Примерно такой звук получается, когда водят деревянной палочкой по гребню. В Германии его зовут королем перепелок. По старой немецкой легенде, каждой стаей перепелок обязательно предводительствует коростель.

По размеру он примерно с бекаса, но в силу рыхлости оперения кажется толще. Как и все пастушковые, имеет короткий хвост, сплющенные с боков тело и клюв. У коростеля клюв недлинный, крепкий, красновато-серый. Ноги свинцово-серые.

Знатоки определяют тон оперения как бурый или серовато-рыжий или светло-каштановый, крылья ржаво-рыжие.

С.Т.Аксаков и А.Брем указывают на красноватые оттенки боков и крыльев. Из трех добытых мною коростелей один был охристо-бурый, один рыжий, а один красно-рыжий. Разница определяется, наверное, возрастом или полом птицы.

В начале 70-х годов на обском острове Соспос я разыскивал с Джойкой утянувшего на берег озера чирка-

подранка. Почуяв дичь, собака, как обычно, повела, но заметно заволновалась и сделала несколько каких-то непонятных скачков над густой травой, приседая на передние лапы. Взлетела маленькая, какая-то лохматая, рыжая птичка. Крылья как бы поочередно цеплялись за воздух, хвост и

ноги опущены вниз. Это был наш первый коростель. Еще двух взяли потом с Ледой.

Зато бегает дергач невероятно быстро. Я видел однажды, как он бежал по стерне от обкошенного озера, которое мы обходили с Ледой, к массиву густой травы. Буквально промелькнул, как мышь, и внедрился в кочки. Поднять его спаниелю не удалось.

После большого наводнения в начале сентября 1979 года я подходил к озеру, густо заросшему по берегам тальником. Кругом поросшие худосочной травой заиленные кочки. Неожиданно Джек спугнул на удивление легко поднявшегося пастушка. Это оказался погоныш, которого я держал тогда в руках первый раз. Название свое он получил за голос — «уить-уить-уить», напоминающий звук прута или пастушеского кнута, рассекающего воздух. Называют его также болотной курочкой.

Встречается у нас повсеместно. А.Брем стрелял их даже на юге Ямальского полуострова.

За годы охоты с Ледой мне довелось добыть еще четырех таких птиц. По очертаниям они похожи на коростеля. Всех их я измерял и внимательно описывал для себя окраску. Длина тела около 25 см, клюв темно-оливковый, около двух сантиметров, основание его оранжевое. Ноги также оливковые или зелено-желтые. Верх оливково-бурый с пестринами, грудь темно-серая, надхвостье крапчатое, подхвостье кремово-белое.

В сезоне 1995 года третьепольная Рада подняла на заросшем, почти непроходимом озерке своего первого погоныша. Запах его был собаке еще незнаком и нашла его не сразу. Все размеры совпадают с вышеприведенными, опишу только подробнее цвета оперения.

Верх головы темно-коричневый с мелкими белыми пестринами, брови темно-бурые с сединой, щеки темно-серые. Спина очень красивая: черные перья с коричневым окаймлением по низу и белым — по бокам. Кроющие перья крыла

цвета крепкого кофе с молоком и как бы украшены маленькими черными, буквально миллиметровыми перышками с белой полосочкой, что дает эффект выпуклых светлых пестринок на общем, отливающем зеленым фоне. Надхвостье черное с пестринами, выше к спине коричневатое, подхвостье кремовое.

Крайние маховые перья аспидные, подкрылья пестрые, наружный сгиб крыла окаймлен узкой белой полоской. Живот с серым оттенком, грудь светло-коричневая с красивыми пестринами, как на кроющих перьях крыла.

Четыре раза я видел довольно быстро вылетающих из-под собаки каких-то очень маленьких темно-коричневых птиц размером с воробья, но по полету отличавшихся от певчих. Перемещались они недалеко, однако поднять снова не удавалось. Позже Леда выпугнула такую птицу из прибрежной травы на озере, и я подстрелил ее над водой. То, что это пастушок, не оставляло сомнений, а позже определил, что добыл погоныша-крошку.

Он на 4-5 сантиметров короче большого, клюв весь оливковый, только надклювье более темное. На голове, шее и спине больше коричневого, надхвостье коричневое с черным; подхвостье черно-крапчатое. Грудь светло-серая; ноги бледно-красные. Знающие натуралисты и охотники рассказывали о редких встречах с другой представительницей пастушковых — камышницей, которая в засушливые годы появляется на юге округа. Это красивая маленькая водяная курица. Окраска ее матово-темная с белыми перьями на боках и подхвостье. Плавая, она непрерывно подергивает вертикально поставленным хвостом и кивает головой, украшенной красным клювом и такой же бляшкой на лбу. Прекрасно ныряет и лазает по кустам. Голос громкий, резкий «черк-черк».

Мне довелось несколько мгновений наблюдать эту птицу из окна туристического вагона в Венгрии. Дорога шла рядом с длинным ручьем или мелкой речкой метра два-три

шириной. Из тростника на противоположной стороне вышла камышница, кивнула, словно приветствуя поезд, несколько раз своей красной фуражкой, как начальник вокзала, и исчезла.

Также в засушливые годы появляется на заросших тростником глухих озерах еще одна представительница семейства — лысуха. Она величиной с небольшую утку, темная, клюв и бляшка на лбу белые (отсюда и лысуха). Но это уже водоплавающая дичь — не предмет нашего рассказа.

Встречаются коростели и погоныши практически в одних местах, заросших густой высокой травой (это первое условие), кочковатых, сырых и труднодоступных, в тупиках озер или на их травяной оторочке, в глубоких узких ручьях, зеленой травяной змейкой текущих через луга. Сидят, естественно, крепче красной дичи, к тому же убегают от приближающейся собаки.

Леда, почувствовав горячий наброд, начинала прыгать, как кошка на четырех лапах или как мышкующая лиса, иногда останавливалась в прыжке на задних лапах и словно удивлялась, где же птица, которая секунду назад была рядом. Вот спаниель впадает в азарт — то рычит и сердится, то взывает коротко и звонко, как будто улыбается, а в глазах — явная хитринка. Картина!

Как-то Леда находила поочередно следы двух пастушков на длинном озерном тупике ручья с почти непроходимой травой. Как только она ни скакала, какие спирали ни выделявала по следам, но так и не подняла птиц. Во время следующего выхода мы специально обследовали тупик, был сильный ветер, несущий застоявшийся во влажном воздухе запах пастушков. Леда по-прежнему крутилась, припадала на передние лапы, шумно фыркала, обнюхивая кочки, выпрыгивала из травы, чтобы ощутить верховые запахи. Один погоныш был все-таки поднят. Другого взяли на следующий день сравнительно быстро, потому что он сидел на мысу и собака отрезала ему путь на сушу — пришлось

взлетать. Должен заметить, что летит курочка легче коростеля и держится более прямо, подбрав ноги, хотя хвост чуть и опущен вниз.

И здесь уже можно утвердительно заявить, что для этой охоты спаниель наиболее подходящая собака. Охоту на пастушков с легавой специалисты даже не рекомендуют, так как птицы не выдерживают стойки и убегают. Молодого сеттера или пойнтера вообще можно испортить и он будет срывать стойку по красной дичи. Жаль, что местные спаниелисты не познали вкус такой, как говорят знатоки, «оживленной» охоты, суть которой, как и охоты вообще, — в преследовании дичи — чем сложнее, тем интереснее.

ЕСТЬ еще один резервный, неосвоенный здесь вид классической охоты — на известных всем маленьких серобурых перепелок из семейства куриных. У нас, примерно до широты Березова, водится обыкновенный перепел. В отличие от вышеперечисленной он уже относится к разряду полевой дичи, хотя держится и на пойменных лугах, предпочитая сухие гривы с невысокой травой. Именно в таких местах мне довелось добыть с Ледой пару таких престижных трофеев.

В самый первый ее выход солнечной стороны неожиданно вылетели две небольшие птицы с необычным для куликов полетом. Выстрел запоздал, и очередной трофей упал довольно далеко, но в приметный островок тысячилистника. Когда подошли, собака сразу уловила запах, начала кружить, несколько раз заходила против ветра, «включала» верховое чутье. Потом припала к земле, шумно зафыркала и нашла повисшую между стеблей молодую миникурочку.

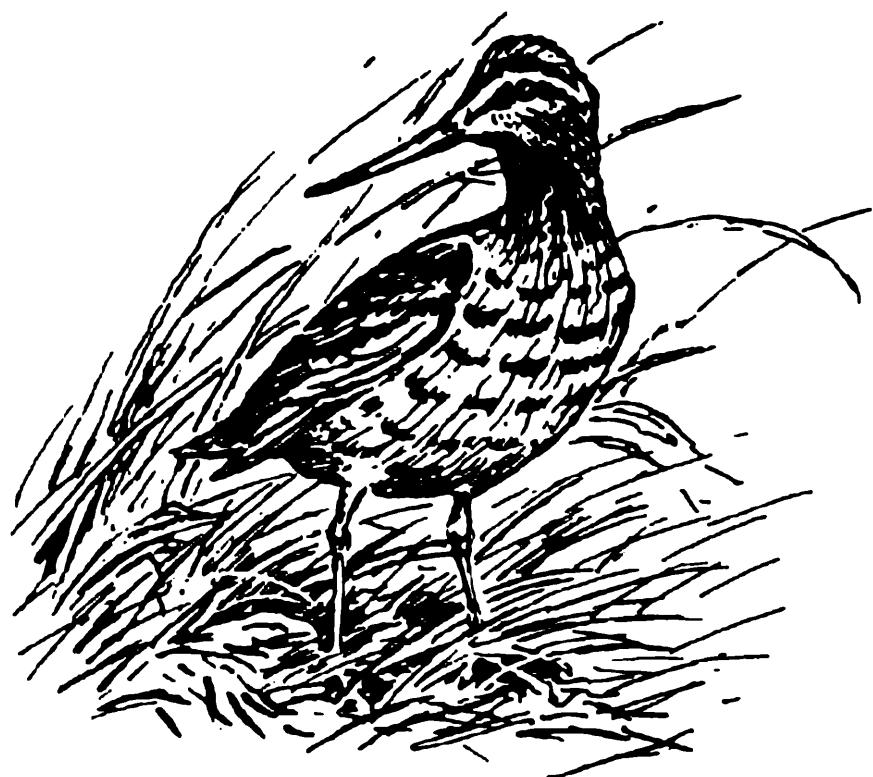
Когда по Иртышу и Оби было много деревень с полями, перепелка считалась обычной птицей. И знаменитый бой токующих перепелов: «поть-полоть» или «пить-пилоть» можно было слышать довольно часто. Мне рассказывал об

этом многолетний партнер по охоте Н.Г.Щеголев, живший в детстве в селениях под Ханты-Мансийском. А опытный охотовед и старый охотник Л.Т. Коршунов писал, что в 1995 году постоянно слышал бой перепелов на заброшенных картофельных полях у деревни Белогорье.

Перепелки имеют сильный запах, который вызывает приятное волнение собак. И спаниель здесь опять не хуже других подружейных собак.

Результаты охоты за 12 сезонов (В знаменателе года количество выходов-дней)

Кличка собаки	Леда - девять сезонов						
	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Вид дичи	6	1	6	13	10	8	6
Дупели	2		8	18	14	2	4
Бекасы	8		1	13	33	1	4
Гаршнепы			1				
Вальдшнепы				1			
Кроншнепы	12	7	14	22	13	35	14
Веретенники		2	4	1			
Турухтаны	2			4	6		
Чернозобики	1						
Улиты			1				
Погоныши				2	2	1	
Коростели				1			
Перепела	1						
Общий итог	26	9	29	62	68	39	22

Рада - 3 сезона

<u>1991</u> 7	<u>1992</u> 6	Всего	<u>1993</u> 5	<u>1994</u> 7	<u>1995</u> 5	Всего	<u>за 12</u> <u>сезо-</u> <u>нов</u>
30	10	88		4	2	6	94
18	5	83		16	11	27	110
		1					1
		1					1
6	11	134		24	13	37	171
4		11	1	3		4	15
3		15	13	5		18	33
		1					1
1		2					2
		5			1	1	6
1		2					2
1		2					2
64	26	345	14	52	27	93	438

V. Охраняемые птицы Обь-Иртышья

Во время охоты на лугах и болотах могут встретиться птицы, находящиеся под защитой Закона. И не только всем известные журавли, лебеди, дневные иочные хищники, чайки, певчие, но и очень редкие, совершенно неведомые вам и мало известные даже ученым виды, как черный журавль-монах, черный аист, тонкоклювый кроншнеп и другие. Обо всех них культурному охотнику желательно иметь хотя бы представление.

Теперь немного истории. Давно зная о быстром и необратимом оскудении земной флоры и фауны, люди в плотную занялись охраной природных богатств лишь после второй мировой войны.

В 1948 году образован Международный Союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП), а через год в его рамках возникла комиссия по выживанию или по редким и исчезающим видам флоры и фауны. Первый список из 523 таких видов животных появился в 1963 году под названием Красная книга. В него вошли 312 видов и подвидов птиц.

В 1973 году МСОП опубликовал «черный список» безвозвратных потерь животных и растений, начиная с 1600 года. Среди них 94 вида птиц. Вспомните из школьных учебников: американский странствующий голубь, бескрылая гагарка, нелетающий дронт!

С 1966 по 1980 год опубликовано еще три издания Красной книги МСОП. В четвертое включены уже 485 видов и подвидов птиц.

Работа над Красной книгой СССР началась в 1964 году, официально она была утверждена в 1974 г., а вышла в свет в 1978 году. В ней были предложены только две категории статуса редких и исчезающих животных и растений: «А» — виды, находящиеся под угрозой уничтожения, и «Б» — редкие виды. Во втором издании (1984 г.) на основе Крас-

ной книги МСОП было выделено уже пять категорий:

I. Виды, находящиеся под угрозой исчезновения, спасение которых невозможно без осуществления специальных мер.

II. Виды, численность которых еще относительно высока, но сокращается катастрофически быстро, что в недалеком будущем может поставить их под угрозу исчезновения.

III. Редкие виды, которым в настоящее время еще не грозит исчезновение, но встречаются они в таком небольшом количестве или на таких ограниченных территориях, что могут исчезнуть при неблагоприятном изменении среды обитания под воздействием природных или исторических факторов.

IV. Виды, биология которых изучена недостаточно, численность и состояние их не вызывают тревогу, однако недостаток сведений не позволяет отнести их ни к одной из первых категорий.

V. Восстановленные виды, состояние которых благодаря принятым мерам охраны не вызывает более опасений, но они не подлежат еще промысловому использованию и за их популяцией необходим постоянный контроль.

В данном издании число редких и исчезающих птиц увеличилось до 80 видов. Из них 13 с разной степенью вероятности встречаются или могут встретиться в наших краях. Среди них (в скобках указаны статусные категории книги): белый журавль-стерх (I), тонкоклювый или малый кроншнеп (I), черный аист (II), краснозобая казарка (II), орел-беркут (II), орлан-белохвост (II), сокол-сапсан (II), скопа (III), сокол-кречет (III), сокол-балобан (III), черный журавль (III), кроншнеп-малютка или карликовый (III), малый или тундряный лебедь (III).

Те же категории применяются и в Красной книге России, которая вышла в свет в 1985 году. В нее внесено также 80 видов птиц. Но к упомянутым 13 союзным краснокнижникам добавились достоверно и нередко встречающиеся на

Обском Севере абоненты чисто республиканского значения — белоклювая или полярная гагара (III) и гусь-пискулька (V).

А сейчас в отдельных заметках мы познакомим читателей со всеми пятнадцатью перечисленными краснокнижниками и расскажем о многих других охраняемых птицах.

1. Из Красной книги Стерх родом с Ямала

БЕЛЫЙ ЖУРАВЛЬ — очень редкая и, наверное, самая экзотическая птица, священная для многих народов Севера.

Я — Стерх,
Я — журавль,
Священная птица.
Я плачу —
Внимают мне все колдуны.
Я плачу-шаманю,
Священные мысли
И мудрое слово
В мой плач вплетены.
... Я журавль.
Я белый журавль.
Люди-манси зовут меня Торыг,
А в мире большом — Стерхом.
Возвеличивают, воспевают,
На тончайших струнах играют,
Призывают меня к откровеньям —
Последним откровеньям
Умирающего Стерха
На умирающей земле.

(Из поэмы Юvana Шесталова «Клич журавля»).

О том, что белого журавля охотники изредка наблюдают весной в низовьях Оби, я знал с детства по рассказам отца. Первая встреча произошла в конце мая 1948 года около Салехарда. Два белых журавля пролетели надо мной метрах в восьмидесяти курсом на север. Был солнечный день, и все птицы казались бело-розовыми, кроме темных клюва, ног и концов маховых перьев.

В начале июня 1956 года в пасмурный день стерх медленно пролетел в 15 — 20 метрах от меня над полем Салехардской сельхозопытной станции по направлению с севера на юг. Создавалось впечатление, что птица легко ранена или очень устала. Удалось рассмотреть красноватый, характерной клинообразной формы клюв, светло-красного оттенка лапы. Все оперение было чисто белое, за исключением черных концов крыльев.

Этим наблюдением я поделился со своим консультантом по фенологии, известным российским охотоведом Григорием Евгеньевичем Рахманиным, коллегой по работе, кандидатом биологических наук Василием Платоновичем Макридиным и молодым биологом-охотоведом, будущим доктором биологических наук Львом Николаевичем Добринским, другими опытными охотниками. Сообщение было принято как интересное, но и как должное.

В 1961-1963 годах, будучи директором зверооленеводческого совхоза «Верхнепурровский» в Ямalo-Ненецком округе, не раз слышал от рыбаков-охотников и оленеводов о встречах с белыми журавлями в междуречье Пура и Таза.

Переехав в 1970 г. в Ханты-Мансийск, расспрашивал об этой птице местных охотников и любителей природы. Краевед и орнитолог, автор книги «Птицы тайги» Юрий Гордеев сказал, что за многие годы только дважды видел и фотографировал белых журавлей на севере округа. В 1966 году это была одиночная птица, стоящая на берегу Северной Сосьвы недалеко от поселка Устрем. В конце августа 1969 г. его

телеобъектив запечатлел пару стерхов на открытом участке поймы в том же районе.

О единственной встрече с парой белых журавлей на весеннем пролете в Березовском же районе и примерно в те же годы рассказывал мне старейший охотник и многолетний председатель окрохотовщества Андрей Григорьевич Дюба. В окружной газете тех лет встречал также информации о стерхах большого любителя природы из Советского района, одного из инициаторов создания заповедника «Малая Сосьва» — М.Т.Яковлева. Он видел однажды и небольшую стаю птиц.

На изучение литературы о белом журавле подвиг случайно попавшийся в руки журнал «Уральский охотник», издававшийся в Свердловске в 20 - 30 годах. Из статьи Валентина Ушакова в №3 за 1925 год я узнал, что до тех пор в специальной печати об этой птице были скучные сведения. Наиболее подробные биологические данные содержались в трудах Палласа, некоторые моменты отражались в работах Г.Карелина и П.Назарова. В.Ушаков сообщал, что крестьяне западной части Тарского уезда (ныне Омская область) рассказывали о стерхах, живущих в алланах — обширных болотных займищах. Автор писал и о своем наблюдении в конце апреля 1912 года пролетавшей стаи из одиннадцати громадных белых птиц с длинными ногами и шеями.

Э.Сенкевич в №5 и №8 этого журнала за 1924 г. рассказал о музыкальных перекличках «таинственных стерхов» и местах их гнездований в Тюкалинском уезде (ныне Омская область).

Работы трех указанных В.Ушаковым авторов я не нашел, а сразу обратился к самому для меня авторитетному Брему («Жизнь животных», т. II, «Птицы», 1901 г.), но, увы, обнаружил лишь один пятистрочный абзац о «великолепном стерхе», которого удавалось несколько раз убивать и в Европе. Говорилось, что эта птица, кроме черных рулевых

перьев, совершенно белая; голова кроваво-красная, глаза светло-желтые, клюв бледно-красный, ноги светлого карминно-красного цвета; длина около 120 см.

Насколько редок и малоизучен был стерх, свидетельствуют и разнотечения в описании его внешнего вида, мест гнездований и зимовок даже солидными изданиями.

«Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР» (т. I, «Птицы». Изд. АН СССР, 1952 г.): ... Наиболее крупный из наших журавлей. Передняя часть головы до заднего края глаза красная, едва прикрытая редкими темными щетинками. Первостепенные маховые перья и верхние кроющие буровато-черные. Все остальное оперение белое. Ноги красные, клюв буровато-красный, глаза бледно-желтые. У молодых вся голова оперена: в окраске преобладают охристо-буроватые тона с примесью белого. Размеры: крыло — 75-65, клюв — 18-20 см.

На гнездовьях встречается очень спорадично: с одной стороны в Казахстане и степях Западной Сибири (в прежние времена гнездился в низовьях Урала), с другой — в разных местах Восточной Сибири: в Бурятии, на Витимском нагорье, в Якутии, в тундрах от низовий Яны до Колымы. Везде редок. На пролете наблюдается на Нижней Оби. Зимовки на юге Каспия, в южном Китае и в Индии.

«Справочник-определитель «Птицы СССР» (изд. «Мысль», 1968 г.): Крупный (крупнее серого) журавль. Оперение чисто-белое, концы крыльев черные. Участок голой кожи на передней части головы, клюв и ноги ярко-красные. Молодые с охристыми пятнами. В качестве мест гнездования представлен только север Якутии. О зимовках не сказано.

«Жизнь животных» (т. 5, «Птицы». Изд. «Просвещение», 1970 г.). Внешний вид этой птицы таков. Цвет оперения белый, только первостепенные маховые и верхние кроющие черные. Передняя часть головы лишена перьев и имеет красную расцветку. Ноги черные (!? — Н.П.), клюв буровато-красный, прямой, сильный. Концы длинных третье-

степенных маховых рассучены и пышным бугром прикрывают хвост. Вес этой крупной птицы колеблется от 5 до 8 кг, длина крыла 54 - 66 см, а размах крыльев — 2 - 2,5 м.

Белый журавль - стерх.

Молодые стерхи имеют в общем рыжую окраску, но концы крыльев у них, как и у взрослых, черные. Места зимовок не называются, а что касается гнездования, то указывается, что известна одна небольшая область по Нижней Оби и, во-вторых, Северо-Восточная Якутия, Яно-Индигирская тундра.

В середине 70-х годов, будучи на курсах повышения квалификации редакторов газет в Свердловске, я слушал лекцию по охране природы крупного орнитолога из Уральского филиала Академии Наук СССР, который утверждал, что стерхи гнездятся только на севере Якутии. Опираясь на изложенные выше полевые и литературные данные, я попытался в кулуарной беседе с лектором показать возможность не только обитания, но и гнездования стерхов в Северном Приобье. Однако ответ был категоричным, скептическим и с оттенком традиционного научного снобизма: нет!

Теперь я уже принципиально стал собирать публикации о белом журавле. 1977 год. Знаменитый проект «Стрх». Некоторый свет на биологию этой птицы пролила получившая широкую известность экспедиция по сбору яиц стерха на севере Якутии и доставке их в специальных термоконтейнерах в американский журавлиный питомник, где в результате были инкубированы два журавленка, о чем сообщалось в газетах, по телевидению, рассказывалось в журнале «Охота и охотничье хозяйство». Сенсацией стало открытие, что стершонок, вылупившийся первым, заклевывает или топит своего младшего брата или сестру (в кладке обычно два яйца). Но таков жестокий закон тундры — выживает сильнейший, а двух птенцов журавлина семья, видимо, выкормить не в силах.

Однако подлинным бальзамом на мою душу стало издание в 1978 году Красной книги СССР («Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений»). Наконец-то, официально все стало на свои места. В ней отмечалось, что в настоящее время стерх гнездится в низовьях Оби. Места обитания — обширные моховые болота се-

верной тайги. Западно-сибирская популяция, пролетая через Казахстан и дельту Волги, зимует в северной части Индии (заповедник Чхана-Бхаратпур), а иногда во внутренних районах Афганистана. Гнездовые биотипы пока мало изучены.

В графе «Статус, численность, состояние вида» Красной книги говорилось: очень редкий, исчезающий вид. За последние 100 — 150 лет популяция вида в целом сократилась катастрофически. В настоящее время резкое сокращение ее продолжается. Западно-сибирская популяция насчитывает около 60 особей и в ближайшие годы может исчезнуть. В последнее время на зимовках насчитали всего 44 птицы, в т.ч. одного птенца.

А в это самое время по сообщению старшего охотинспектора Ямало-Ненецкого округа Ю.С.Середонина один охотник наблюдал десять пар гнездящихся стерхов у Чертовых озер в Пуровском районе на территории примерно десять квадратных километров.

По мнению известного писателя-эколога и ученого-охотоведа Ф.Р.Штильмарка, яркую страницу в изучение стерха Западной Сибири внес в свое время сотрудник Кондо-Сосьвинского заповедника В.В.Раевский. Ф.Штильмарк рассказывал мне об утерянной рукописи В.Раевского, где содержалось художественное описание поведения пары стерхов у гнезда, и подарил ксерокопию раздела о стерхе из подготовленной им к печати работы Раевского «Позвоночные животные Северного Зауралья» (М, 1982). Учитывая интерес читателей, цитирую материал полностью.

«Местные названия: ноу-тор — хантыйское, ноу-тарых — мансийское.

Стерх в количестве немногих пар изредка гнездится в больших чистых болотах заповедника и его района. Несколько чаще, чем летом, он встречается у нас на весеннем и осеннем пролетах. Белого журавля знают многие местные охотники, причем по их словам выходит, что на Оби про-

летные особи часты, хотя там местные ханты почитают стерхов за редкость, у них есть поверье, что тот, кому удается увидеть стерха, — счастливый человек.

В заповеднике стерхи посещают регулярно оз. Усть-тор и иногда остаются тут гнездиться. Так, от старика-ханты И.Г.Езина я слышал, что в прежние времена он встречал здесь белых журавлей, особенно по веснам. В 1940 г. я наблюдал, как сюда прилетел одинокий самец 17 мая. Он пробыл здесь два дня, в течение которых несколько раз принимался токовать, с полураспущенными крыльями, низко опустив голову и выгнув шею так, что клюв протянулся параллельно земле, он издавал трубные звуки исключительной мелодичности. Спугнутый, он описывал невысоко в воздухе широкий круг, при этом ярким контрастом с его белоснежным оперением выделялись черные маховые на концах крыльев. Стерх ночевал на берегу озера, его высокая фигура светлым пятном маячила всю ночь в том месте берега, где особенно свободен обзор. В 1944 г., по словам наблюдателей Н.А. и А.В.Езиных, стерхи держались на устьторском болоте все лето, причем среди них были замечены и молодые. При посещении Усть-тора 26 августа того же года я наблюдал здесь этот выводок — журавлей было три. На вершинном болоте речки Нир-хатым-худим 7 июня 1940 г. мной была обнаружена пара этих птиц. Стерхи собирали что-то на болоте, они находились здесь в обществе кроншнепов и не обращали внимания на проходивших тут же северных оленей.

Вне заповедника я наблюдал 19 сентября 1941 г. двух стерхов, расхаживавших и перелетавших среди водоплавающей дичи — лебедей, гусей и уток, в массе собравшейся в пойме Малой Сосьвы близ ее устья, между Игриром и Урленхом. Наконец, М.А.Маремьянин сообщил мне, что весной 1943 г. он видел пару стерхов на ручье Ер-худиме, впадающем в р.Казым-пос — нижний приток Малой Сосьвы.

Коллекционный материал отсутствует».

А чтобы представить условия жизни белых журавлей в тех краях, приведу описание «Урочища стерхов» из книги «Заповедник «Малая Сосьва» (Свердловск, 1985).

Это обширная территория между речками Онжас и Него-Супр-Еган — притоками Малой Сосьвы. Открытые болота перемежаются здесь с красивыми островками кедрачей и ельников. Среди болот протекает много ручьев и проток, часть из которых стекает в речки, а часть собирается в небольшие живописные озера.

Я умышленно упустил информацию из Красной книги о якутской популяции. В журнале «Химия и жизнь», № 6, 1986 г., есть иллюстрированная статья «Слово о стерхе» (автор С.Старикович). В ней подробный рассказ об экспедициях на Индигирку.

Инициатором и непременным участником работ по возрождению угасающего племени стерхов стал доктор биологических наук Владимир Евгеньевич Флинт, заведующий отделом охраны и рационального использования животного мира ВНИИ охраны природы и заповедников. Затем состоялись новые экспедиции на Индигирку, и яйца белых журавлей вновь отправляли в Барабоо (США, штат Висконсин) в Международный фонд охраны журавлей (МФОЖ) и его европейский филиал в Германии.

Третья экспедиция была летом 1979 года. Интересно, что два яйца не попали в инкубатор. Один стершонок вылупился во время приземления самолета в аэропорту Тикси, второй — на московской квартире профессора Флинта. Он и взял на себя обязанности пернатых родителей. Оба птенца были переданы в Окский заповедник, при котором в марте 1979 года создали журавлиный питомник. В этом же году осенью В.Е.Флинт побывал в Висконсинском питомнике, где было уже шесть стерхов якутского происхождения.

Дальше сведения о белом журавле стали нарастать как снежный ком. В самом начале 80-х годов прочитал заметку в ямало-ненецкой окружной газете «Красный Север» о том,

что в поселке Питляр Шурышкарского района у местной жительницы Т.П.Солдатовой живет полуторагодовалый стерх, оставленный птенцом туристами. Ест рыбу и дружит с собаками. Журавленка отправили в питомник по разведению журавлей редких видов при Окском государственном заповеднике.

В 1981 году орнитолог А.Г.Сорокин нашел на реке Куноват, правом притоке Оби, пять гнездовых пар стерха. Там был наложен авиаучет гнездовий и создан Куноватский республиканский заказник. В декабре 1992 года руководители отдела охотничьего хозяйства администрации Ямало-Ненецкого автономного округа Е.Н.Будылдин и Ю.С.Середонин показали мне эти места на карте. Но результаты их ежегодных облетов на АН-2 были неутешительны. В 1987 году видели семь пар, через два года — шесть и затем — три.

Одной из причин такого снижения, по их словам, является фактор беспокойства. Лесорубы не прекращали в то время и ведут сейчас заготовку древесины недалеко от гнездовий. Отработанные специалистами предложения по созданию здесь заповедника не приняты из-за несогласования с совхозами — владельцами оленевых пастбищ.

Данные 1987 года подтверждает автор книги «В глухарином краю» А.Пашук (Свердловск, 1990 г.). Он пишет, что сотрудник ВНИИ охраны природы Александр Григорьевич Сорокин видел тогда также семь пар стерхов, а оператор Центрального телевидения запечатлел, как стерх-самец на спине, с приподнятыми крыльями унес птенца, вылупившегося первым, подальше от гнезда. А когда появился второй стершонок, самка его покинула. «Отказанного» птенца увезли в Москву, а затем в Окский заповедник.

В статье «Спасти стерха-птицу» (журнал «Стрх», № 1, 1991 г.) профессор В.Е.Флинт писал, что «последние данные относительно обской популяции оказались просто устрашающими: летом 1990 года в низовьях Оби специальной

экспедицией в результате самых тщательных поисков с самолета были найдены две гнездовые пары стерхов, а на индийские зимовки в штате Бхаратпур вернулось только 10 журавлей». Далее автор, кавалер международного ордена Золотого ковчега (помните, Ной спас всякой твари по паре) за особые заслуги в охране журавлей и других перелетных птиц, проводит мысль о том, что «стерхи не столько перебиты на пролете и зимовках, сколько потеряли свое место на изуродованной северной земле. Ведь им нужны покой и гармония! Они — как вестники из уходящего мира». И в этом ученый Флинт един с поэтом Шесталовым (см. эпиграф к очерку!).

В заключение я хотел бы поделиться с читателями сводной информацией о журавлиному питомнике Окского заповедника, почерпнутой из статьи В.Животченко в журнале «Природа и охота» № 1, 1993 г. Яйца стерхов завозились в питомник с 1980 по 1989 год пять раз. А потомство от птиц, выращенных здесь, было получено в 1989 году. В 1991 году выращено два белых журавля.

К слову, заведующий питомником В.Панченко рассказал в газете «Красный Север» (3 января 1989 г.), что тогда в питомнике содержалось 20 стерхов. Для увеличения обской популяции планировалась перекладка вторых яиц белых журавлей из гнезда стерха в гнезда серых журавлей и помещение туда яиц стерхов, полученных в Окском питомнике. Рассматривался вариант выпуска выращенных в питомнике стерхов к стаям зимующих собратьев в Индии.

Далее В.Животченко пишет, что с середины мая до начала сентября 1991 г. проводился эксперимент по бесконтактному выращиванию птенцов стерха в их естественных местах обитания в пойме р.Оби. Из СССР, США и ФРГ сюда было доставлено восемь яиц стерхов. Советские и американские зоологи на немецком оборудовании инкубировали на базе в поселке Горки Ямalo-Ненецкого округа пять птенцов. В возрасте от трех до семи дней они были доставлены

в базовый лагерь на реке Куноват в километре от гнезда стерхов. Три выросших птенца успешно освоили питание естественными кормами и начали объединяться с дикими соседями. Но те улетели раньше, а инкубаторных отправили в Окский заповедник.

И еще несколько сообщений о встречах со стерхами. Житель Ханты-Мансийска В.И.Захаров видел их 17 мая 1984 года около деревни Ягурьях, вблизи Елизаровского заказника. Три белых журавля, сидевшие на заснеженном берегу Ендырской протоки, заметили катер, побежали, оттолкнулись от земли и взлетели, вытянув назад длинные красные ноги. На какое-то мгновение птицы поравнялись с судном на расстоянии 50-70 метров. На фоне яркого солнца они казались розовыми, а концы крыльев были черными.

Летом 1994 года рыбак Ю.Г.Рохтымов видел десяток стерхов на берегу Большой Оби недалеко от Салехарда (промысел Лангивож). Количество птиц и время их появления вызывают вопросы. Молодые птицы едва ли могли тогда подняться на крыло и собраться в стаю. Возможно, это взрослые негнездующиеся журавли, прилетавшие покормиться на обширных заболоченных угодьях Приобья. А вдруг это белые журавли, потревоженные на гнездовьях и оставшиеся без потомства?

В сентябре 1995 года произошел почти невероятный случай, когда белый журавль сам сдался ученым. Сначала он появился около деревни Ягурьях, подружился с детьми, брал из рук корм. На лапе было надето дюралевое кольцо с номером и прикреплена часть от какого-то датчика. Затем он перелетел в соседнее село Елизарово, снова потянулся к людям и поселился на егерской базе местного заказника. Днем он ловил рыбу на перекате реки, ночевал в летней кухне, а утром стучал в окно дома, требуя корм. Пришельца отвезли в Окский заповедник.

Биолог-охотовед В.И.Азаров (газета «Исток», Тюмень, 1995) сообщает, что на базе Куноватского, а с этого года и

Белоозерского республиканских заказников ведутся работы по подпуску молодых стерхов к их сородичам. Осенью 1994 года молодых белых журавлей привозили с куноватских гнездовий через Надым и Тюмень в Армизон, где находится заказник, а затем через Москву и Рязань — в Оксинский заповедник.

Может быть, таким образом в сочетании с искусственным разведением (инкубированием) и строгой охраной мест обитания и вида в целом удастся сохранить вымирающую популяцию. Дай-то Бог!

Кроншнепы

Как и стерх, краснокнижником первой категории является тонкоклювый или малый кроншнеп. По окраске он полностью повторяет большого, только на нижней части груди есть сердцевидные или каплевидные пятна. Клюв тонкий, величина чуть больше чирка или с голубя. Очень редкий вид, находящийся под угрозой исчезновения. В прошлом обитал на болотистых пространствах тайги Западной Сибири от Урала до долины Оби, возможно, до среднего течения реки Конды.

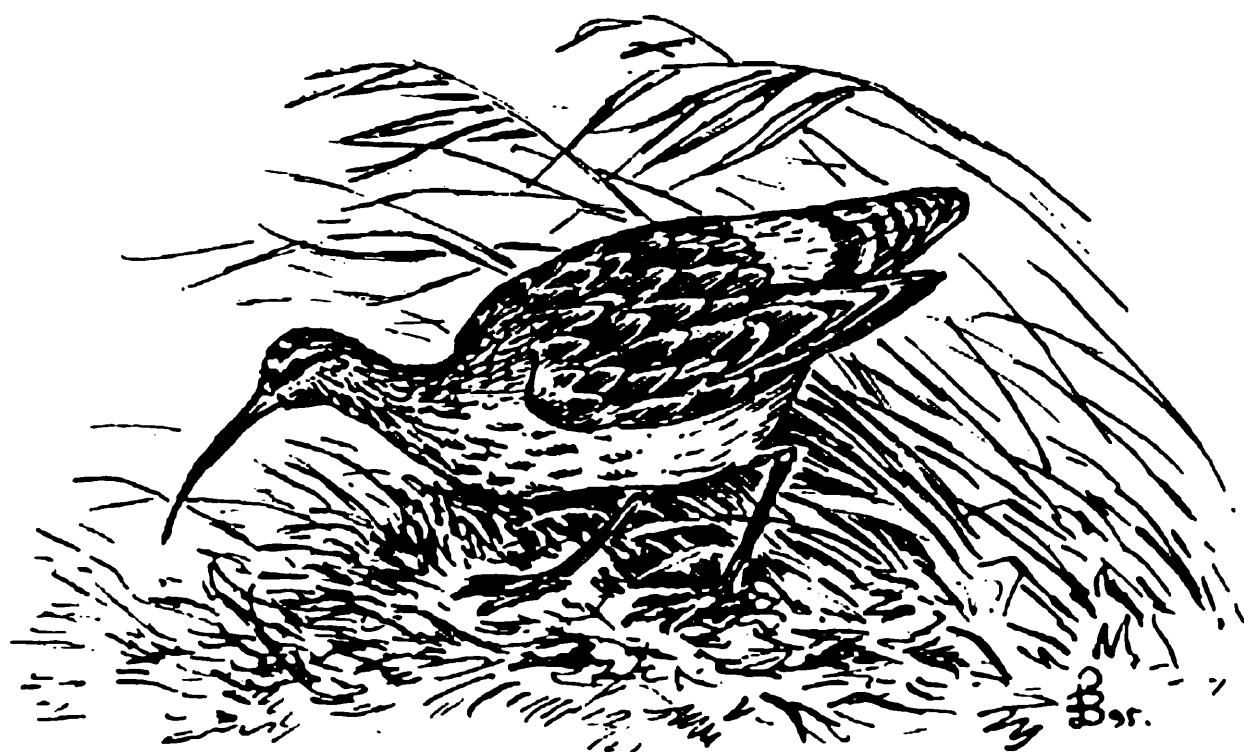
Судя по литературе, гнезд его не находили уже много лет, а последний раз кулика отмечали в районе Тары по Иртышу. Никаких данных о более поздних наблюдениях малого кроншнепа, записанного в разряд почти исчезнувших, как и по его биологии, мне не доводилось встречать, пока не прочитал в журнале «Уральский охотник» № 3 за 1925 г. статью известного в те годы орнитолога В.Е.Ушакова «Колониальное гнездование малого кроншнепа в Тарском уезде Омской области». Так вот что имелось в виду под последней описанной встрече с ним!

Поскольку статья обстоятельная, а тираж журнала, причем старинного, и география его распространения ограничены, думаю, что изложение некоторых положений будет

небезынтересным. Следует учесть и авторитет автора как знатока малого кроншнепа, неоднократно рассказывавшего о нем в русской и зарубежной охотничьей печати.

Тем не менее, В.Е.Ушаков в начале статьи ссылается на профессора М.А.Мензбира, который в своей книге «Птицы России» указывал, что имеющиеся сведения о распространении этой птицы весьма отрывочны, потому что большинство охотников не обращает на нее достаточного внимания или же путает этого кроншнепа с другими видами. Главным оседлым местопребыванием этого кулика проф. Мензбир считал бассейн Средиземного моря, откуда малый кроншнеп распространяется на восток лишь несколько за Уральский хребет.

Имеющиеся в момент составления указанной книги у ее автора сведения указывают на возможность гнездования этой птицы в Новороссийских степях, в Крыму, к северу до Харьковской губернии, где он, однако, считает

Тонкоклювый кроншнеп.

ее распространение спорадическим. Дальше она может встречаться в Оренбургских степях, к северу до Челябинска и Шадринска, где, по мнению пр. Мензбира, кулик этот редок и абсолютно, и относительно массы больших кроншнепов.

В.Е.Ушаков отмечает, что М.А.Мензбир разделяет мнение профессора Н.С.Северцова, что малый кроншнеп — вымирающий вид. В то же время автор статьи сообщает, что «вопреки предположениям пр. Мензбира, малый кроншнеп найден далеко на востоке, а именно, в Алтайской губернии, около г.Барнаула, о чем публиковал в специальной прессе любитель-орнитолог А.П.Велижанин. Что же касается более северного направления, то малый кроншнеп встречается не так редко в Тарском уезде, где мне много раз приходилось заставлять его на гнездовье. И, по-видимому, распространение его в нашей местности не носит характера спорадического, так как находили его колониальные гнездовья».

Далее В.Е.Ушаков пишет, что «для орнитологов малый кроншнеп, как птица редкая, представляет большой интерес и нет ничего удивительного, что моими заметками и статьями о нахождении этой птицы в Тарском уезде заинтересовались не только наши, российские орнитологи, но и заграничные, особенно англичане». В скобках заметим, что В.Е.Ушаков печатался в английском орнитологическом журнале «Ибис». Английским ученым Поттеру и Генри Дроссеру, побывавшим в 1909 — 1910 годах в Таре, он передал кладку малого кроншнепа из четырех яиц и отдельное яйцо.

Описанные в статье наблюдения автора весной 1924 года проливают новый для него и, увы, видимо, последний для нас свет на биологию малого кроншнепа:

«... Вдруг я заметил несколько птиц, летевших мне на встречу. По полету и фигурам я узнал в них своих старых знакомцев кроншнепов, а когда они уже были вблизи меня и начали издавать тревожные крики, так резко отличавши-

еся своим глухим, дребезжащим свистом от звонких трелей обыкновенного большого кроншнепа, — сомнения не оставалось — предо мной вились малые кроншнепы — это интересная для натуралистов птица, так мало еще им известная. Кроншнепы в это время года находились под защитой закона, а права на производство научной охоты у меня не было, следовательно, добыть их было нельзя: я решил проследить за ними, попытаться найти гнездовье. Я пошел туда, откуда летели вышедшие надо мной птицы, а навстречу мне вновь летели такие же кроншнепы. Вскоре их было не менее двух десятков.

Заметив, что птицы тянут с небольшой возвышенности впереди меня, я продолжал путь, направляясь к этому островку; когда дошел до последнего — кроншнепы начали кругом меня подниматься с земли и я увидел их гнезда с яйцами. Всего найденных мной гнезд было 14. Расположены они были иногда в непосредственной близости одно к другому, примерно, на сажень, иногда расстояние между гнездами достигало 5-7 саж.

В общем, островок или возвышенная гряда среди болота имел до 50 саж. протяжения при ширине 4-5 саж. И вот на этой-то сравнительно небольшой площади и были расположены 14 гнезд малого кроншнепа. В большинстве из них было по 2 яйца, в двух — по 3 и только в одном полная кладка из 4 яиц, в некоторых — по одному.

Яйца обычной для куликов грушевидной формы; по желто-оливковому фону испещрены черными, черно-бурыми и красно-бурыми пятнами, точками и штрихами. В общем, окраска варьировала в оттенках цвета и форме пятен. Размеры яиц, насколько возможно было судить «на глаз», были неодинаковы. Например, полная кладка в 4 яйца содержала крупные экземпляры, почти приближающиеся по величине к яйцам большого кроншнепа, в гнездах, имевших по 1 и по 2 яйца, последние были значительно меньше.

Самки снимались с гнезд тихо и все время летали низко,

молча, иногда почти вплотную приближаясь ко мне. Самцы вились вверху, надо мной, издавая или характерный глухой дребезжащий свист, или звонкое высокое «би, би, би...» Все гнезда помещались в маленьких углублениях на земле, постройка их довольно небрежная — куча сухой, прошлогодней травы. Присутствие каких-либо продуктов животного происхождения, как-то шерсти, пуха, перьев, в подстилке гнезд я не заметил.

Закончив поверхностный осмотр гнезд, я отошел на некоторое расстояние, чтобы понаблюдать интересную и редкостную картину — колониальное гнездование в северной полосе Сибири птицы, свойственной Средиземноморской области, которую наши ученые, выдающиеся орнитологи считают вымирающим видом...»

А почти через полвека и мне довелось подержать в руках эту птицу. В мае 1973 года я сидел в скрадке у разлива около деревни Ярки под Ханты-Мансийском. Стояла теплая, ясная, штилевая погода. Утренний лёт уток уже прекратился, когда я услышал сзади по мелодике явно кроншнепиный крик, похожий на «песню» среднего кроншнепа. Обернувшись, увидел в слепящих лучах восходящего солнца темный силуэт кулика. Он шел со стороны лесистой горы к Иртышу на высоте около тридцати метров прямо на штык. После выстрела под углом 85-90 градусов птица, плавно парашютируя, опустилась недалеко от скрадка.

Это, без сомнения, был малый кроншнеп, описание которого я хорошо знал по многим источникам. К сожалению, сделать чучело не удалось.

Ни до, ни после тонкоклювого кроншнепа не встречал. Но почему бы какой-то уцелевшей кочующей негнездящейся особи не долететь по Иртышу до Средней Оби?.. Охота всегда увлекательна. Но давайте остановимся, оглянемся, понаблюдаем, тогда обязательно увидим что-нибудь необычное. И, вдруг, воскреснет из небытия маленький королевский кулик.

А МОЖЕТ, встретится кроншнеп-малютка, всего с горлицу. Отсюда второе название — карликовый. Клюв короткий, слабо выгнутый. Темя черно-бурое с охристой продольной полосой, надхвостье темное. Самый западный очаг его распространения по литературе — Таймыр.

Но, да поверят мне читатели, в августе 1948 года на сенокосе под Салехардом я учил стрелять из дробовика десятилетнего брата. Кроншнепов было очень много. Мы вместе подкрадывались к ним из-за стогов или по некошеной кромке травы. Мальчик не мог удержать двустволку на весу, поэтому я опускался на четвереньки, а он клал ружье на мою спину. Таким образом и был застрелен необыкновенно маленький, взрослый, летающий кроншнеп, очень похожий по описанию на малютку. В природе все бывает, и случай может повториться. Поэтому будьте осторожны, увидев на охоте маленького кроншнепа.

Кроншнеп-малютка.

Тайна черной птицы

ТЕПЕРЬ о двух других птицах, встреча с которыми так же маловероятна, но возможна. По крайней мере, одну из них мне довелось видеть, а какую точно, к сожалению, сказать не могу.

Ясным майским утром 1974 года на протоке Большая Варовая под Ханты-Мансийском, примерно в 30 км южнее устья Иртыша, я сидел в складке спиной к солнцу. Около девяти часов заметил далеко и высоко летящую прямо на меня птицу, похожую на журавля, с вытянутыми длинной шеей и ногами.

Сначала так и подумал, что это обыкновенный серый журавль, но крылья птицы в прямом солнечном свете казались четко темными, а спереди сверкнуло что-то белое, не уверен — шея или живот. Птица резко, но хрипло кричала, как бы тревожно, но ритмично каркала. Потом почему-то развернулась и улетела назад. Расстояние было немалое, метров 200, и без бинокля трудно было рассмотреть детали. То, что летела черно-белая птица — факт. Но в бинокль можно было бы различить и цвет клюва и лап, и уточнить распределение белого цвета — то ли только на шее, то ли по всему низу. Но что это был или черный журавль, или черный аист, не оставляло сомнения.

Внешность обеих птиц я представлял по описаниям «Атласа промысловых птиц и зверей СССР» (т. I, М. 1952). О черном аисте читал в «Жизни животных Брема» (т.2, СПБ. 1901, с. 784), где утверждалось, что «кроме хриплого шипения, аисты не издают никаких звуков но этот недостаток возмещают громким и выразительным клоканьем клюва, так называемым курлыканьем» (с. 779). И если верить непрекращенному авторитету А.Брема, то я видел черного журавля, редчайшую неведомую птицу, называемую за скрытный образ жизни монахом.

Из «Энциклопедии животных» (т. 5, «Птицы», М. 1970, с.

102) я знал и другое: «В отличие от белых аистов черные имеют голос — это негромкие звуки вроде «чи-ли» или «челин». У птенцов голос сильный и грубый». Так, может быть, мне встретился молодой аист? Тогда как же кричит черный журавль? В литературе я так и не нашел ответа на этот вопрос. Зато через некоторое время получил подтверждение наличия голоса у черного аиста, хотя поначалу несколько сомнительное.

В газете «Тюменский комсомолец» (15 июня, 1986) прочитал статью корреспондента АПН Г.Репинской о брянском лесничем И.Шпиленке, целую неделю наблюдавшем за поведением пары черных аистов на гнезде. Он многократно слышал издаваемые аистами звуки, похожие на «чин-ни» и «визгливое скрипенье». А смутила меня явно ошибочная корреспондентская «врубка» к статье: «Никто и никогда не видел гнездовья и птенцов этой птицы. Всякие достоверные сведения о ней представляют исключительный интерес», — так сказано о черном аисте в определении «Птицы СССР». Это утверждение перестало соответствовать действительности благодаря Игорю Шпиленку, живущему в Брянской области».

По Красной книге РСФСР (М. 1985, с. 174) мне было известно, что еще в 1970 году обнаружили по гнезду черных аистов в Абайской степи и Новосибирской области, а одиночные молодые птицы отмечались в 1979 и 1980 гг. Я тут же достал с полки тот определитель (М. 1968), но в статье о черном аисте (с. 64-65) ничего из цитаты не было. Зато в описании черного журавля нашел такие слова: «Очень редок. Биология совершенно неизвестна, гнезд, кладок и птенцов еще никто не видел».

То есть автор допустил, мягко говоря, небрежность в цитировании, когда не только сам текст излагается неточно, но и перепутан вид птицы, к которому он (текст) относится. И я бы никогда не поверил такой публикации, если бы сам И.Шпиленок не написал о своих наблюдениях в га-

зете «Советская Россия» (3 сентября, 1986). Тогда я подумал, что, возможно, классик Брем был не прав и у черного аиста, наверное, есть голос.

Вскоре данные о наличии голоса у черного аиста подтвердились. Житель поселка Нялино Ханты-Мансийского района Александр Михайлович Змановский написал мне, что в 1967 году недалеко от устья реки Салым видел в низине двух больших черных птиц, пасущихся в осоке. На знакомых ему серых журавлей они не совсем походили, особенно отличался хвост. Поднявшись метрах в ста, летели медленно, можно было различить красный цвет клюва и лап. Второй раз он видел черного аиста (сейчас уже ясно, что его) в 1973 г. у заброшенной деревни Майка, недалеко от Нялино. Птица поднялась совсем близко и, издав несколько хриплых криков, улетела.

В конце 70-х годов в тех же местах наблюдал одинокого черного аиста и слышал его голос земляк и однофамилец А.М.Змановского — Владимир Васильевич Змановский, опытный и знающий охотник.

О большей вероятности встречи с черным аистом, чем с черным журавлем, свидетельствует и сообщение сотрудников заповедника «Юганский» (Сургутский район, левобережье Средней Оби). На озере Кытне-Лор они наблюдали, как две птицы строили гнездо. Отмечен ими черный аист и в бассейне речки Негусь-ях.

Но тем не менее, я до конца не уверен, кого все-таки видел, и предлагаю читателям приметы этих птиц.

ЧЕРНЫЙ АИСТ. Народное название — пушла. Широко распространенный, но очень редкий вид, численность которого повсеместно сокращается и в нашей стране неизвестна. По данным упомянутого атласа, был распространен от южных границ всего СССР к северу от Ленинграда, Чердыни и Томска. Согласно «Лесной энциклопедии» (т. 2, М. 1986) сохранился преимущественно в Прибалтике (около 500

пар), в Белоруссии и на севере Украины. По данным В.Г.Бабенко и А.А.Кузнецова, в то же время 200 пар черных аистов обитало в Хабаровском крае. Как сказано в Красной книге СССР (М. 1978), в Сибири и на восточном склоне Урала встречается до 61 градуса северной широты.

На карте в определителе «Птицы СССР» граница его распространения доходит почти до самого устья Иртыша. Та-

Черный аист.

ким образом, залеты в более северные районы вполне возможны. Тем более его любимые места обитания — глухие малодоступные леса с наличием высоких старых деревьев вблизи озер, болот и речек — в наших краях еще сохранились.

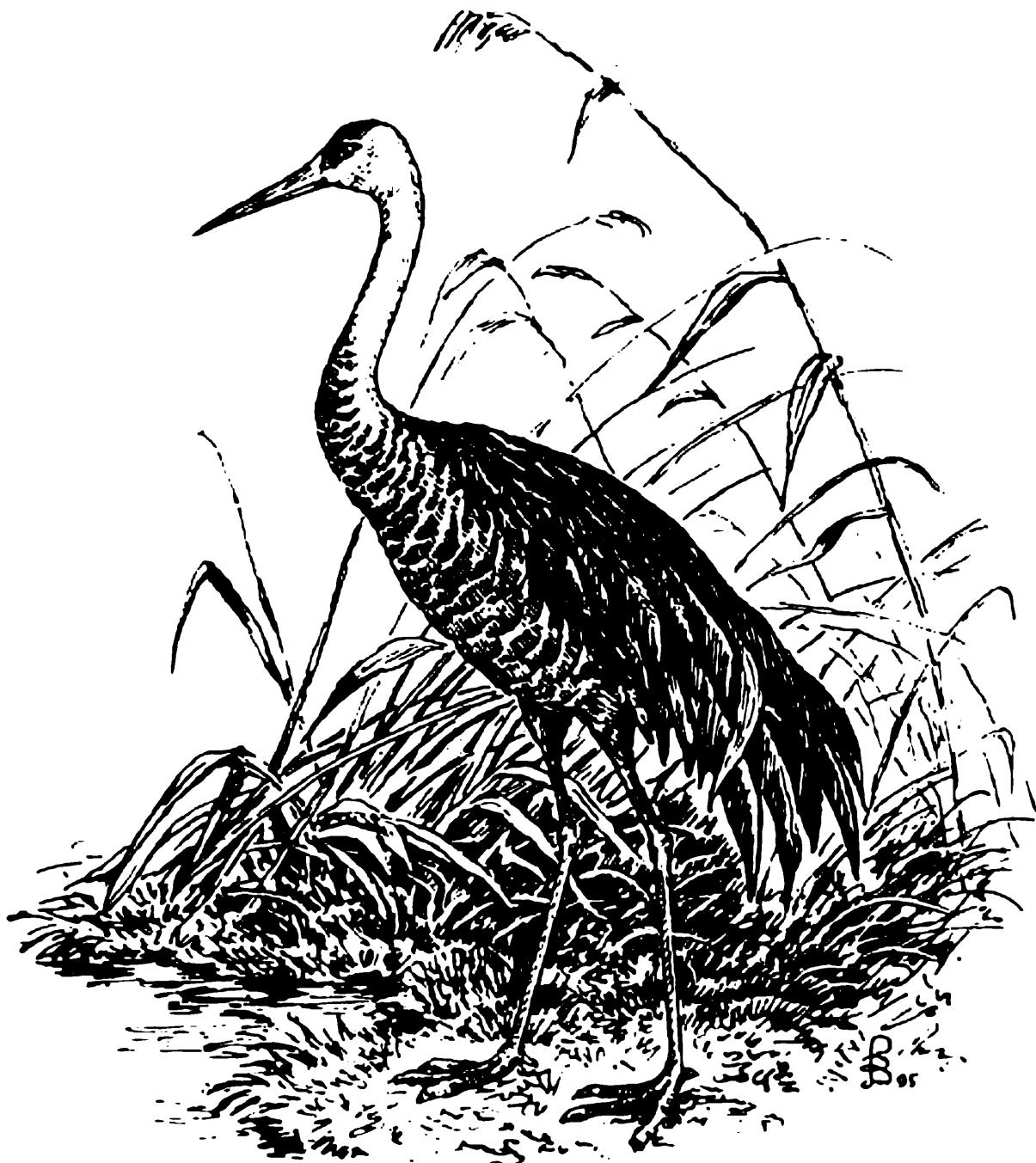
Теперь о внешних данных, чтобы отличить от черного журавля, если он вам встретится. А.Брем пишет, что черный аист чуть меньше белого. Голова, шея и вся верхняя сторона у него буровато-черные, с медно- или золотисто-зеленым и пурпуровым отливом. Нижняя часть, начиная с верхней части груди, белая, маховые и хвостовые перья почти лишены блеска. Глаза красновато-карие, клюв кроваво-красный, ноги карминно-красного цвета. Как отличие от черного журавля можно отметить типично аистиную склонность к парящему полету.

ЧЕРНЫЙ ЖУРАВЛЬ — очень редкая малоизученная птица, занесенная, кроме Российской, в Международную Красную книгу и Красную книгу СССР. Распространение его изучено недостаточно. Определены места гнездования в Якутии и Приморье, а вероятные — в Барабинской степи и под Томском. Первое гнездо с кладкой было обнаружено в 1975 году в Приморском крае, и тогда же первый журавленок появился в Московском зоопарке. Отмечены зимовки черных журавлей в Японии (о. Кюсю).

Ненаселяющиеся и молодые птицы часто проводят лето далеко от мест гнездования, в том числе на заболоченных равнинах Средней и Западной Сибири, где питаются молодыми осоками и пушицами (а они есть и далеко на севере), бутонами, цветками и листьями разных растений, ягодами клюквы, лягушками и насекомыми.

Поскольку самый авторитетный, на мой взгляд, специалист А.Брем не дает описания черного журавля, воспользуемся теми же атласом и определителем. По размерам черный немногим меньше всем известного серого журавля.

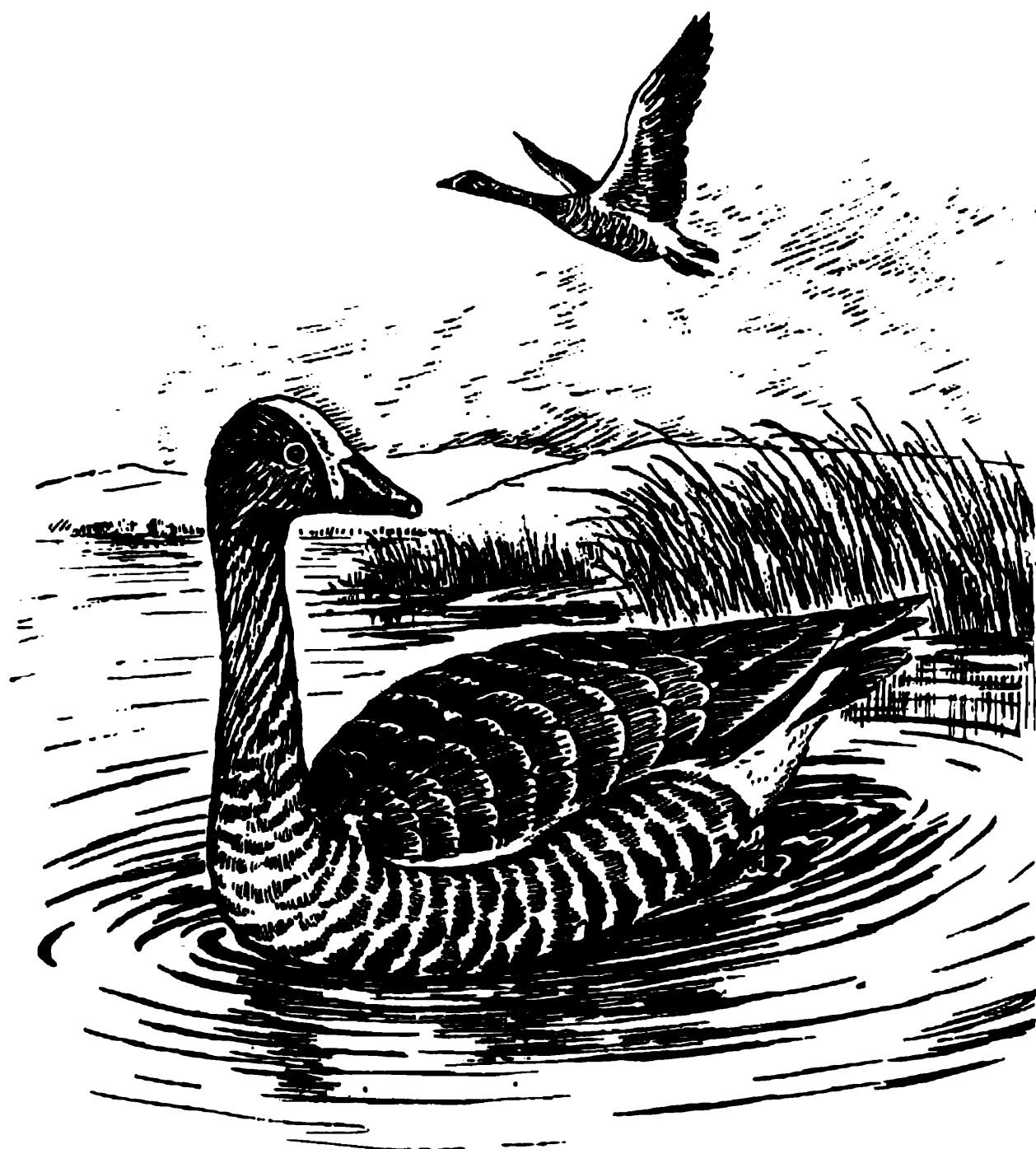
На передней части головы участки голой кожи с красным пятном на темени. Верхняя часть головы спереди покрыта редкими черными щетинками. Остальная часть головы и почти вся шея белые. Общее оперение темно-буро-аспидное, маховые и рулевые перья темно-бурые. Клюв зеленый, ноги черно-бурые. У молодых голова чуть оперена с преобладанием охристых тонов, шея серая, общее оперение более темное.

Черный журавль.

Водоплавающие

ГУСЬ-ПИСКУЛЬКА. В Красную книгу России занесен в 1985 году как редкий малоизученный вид подсемейства гусиных семейства утиных отряда гусеобразных. Данных об общей численности нет, но встречается все реже

Гусь-пискулька.

и реже из-за хозяйственного освоения мест гнездования, пролета и зимовок, отравления пестицидами и, конечно, вследствие охоты.

Внешне это — практически уменьшенная и более интенсивно окрашенная копия белолобого гуся. Белое пятно у пискульки больше — захватывает верх головы между глазами, которые окружены голыми припухлыми желтыми веками. Темя почти черное, спина и поясница аспидно-серые; грудь и брюхо светло-серые с неправильными черными пятнами, подхвостье белое. Клюв короче, чем у белого, — розово-телесный или бело-розовый с белым ноготком (у белолобого кончик клюва черный). Лапы желто-оранжевые, глаза темно-орехового цвета (у белолобого темно-бурые).

Эта разница в окраске издалека незаметна, а учитывая, что оба вида часто соединяются в одни стаи, отличить их может только опытный охотник, знающий, что у пискульки более острые крылья. Размер гуся — величина порой относительная, так как самый крупный пискулька может быть равен самому мелкому белолобому.

Так что, охотники, будьте осторожны: при охоте на белолобых гусей случайно не обстреляйте охраняемого законом пискульку.

Ареал гнездования пискульки проходит по речным долинам через весь север России, но чуть южнее, чем у белолобого гуся, и захватывает северную часть тайги, лесотундру и кустарниковую тунду, а белолобый выходит на побережье Арктики.

Зимует пискулька в Западной Европе, Закавказье, в Средней, Малой и Юго-Восточной Азии. Интенсивный пролет отмечается на Черном море (Сиваш), в устье Волги и Западном Казахстане. Зимой отмечалось появление в Средиземноморских странах, Индии, Китае, Японии и Корее.

Пискульки и белолобые гуси, гнездящиеся на Европейском Севере и Оби, зимуют в Бельгии и Голландии. На родину они летят «бросками» по 10 — 12 километров со ско-

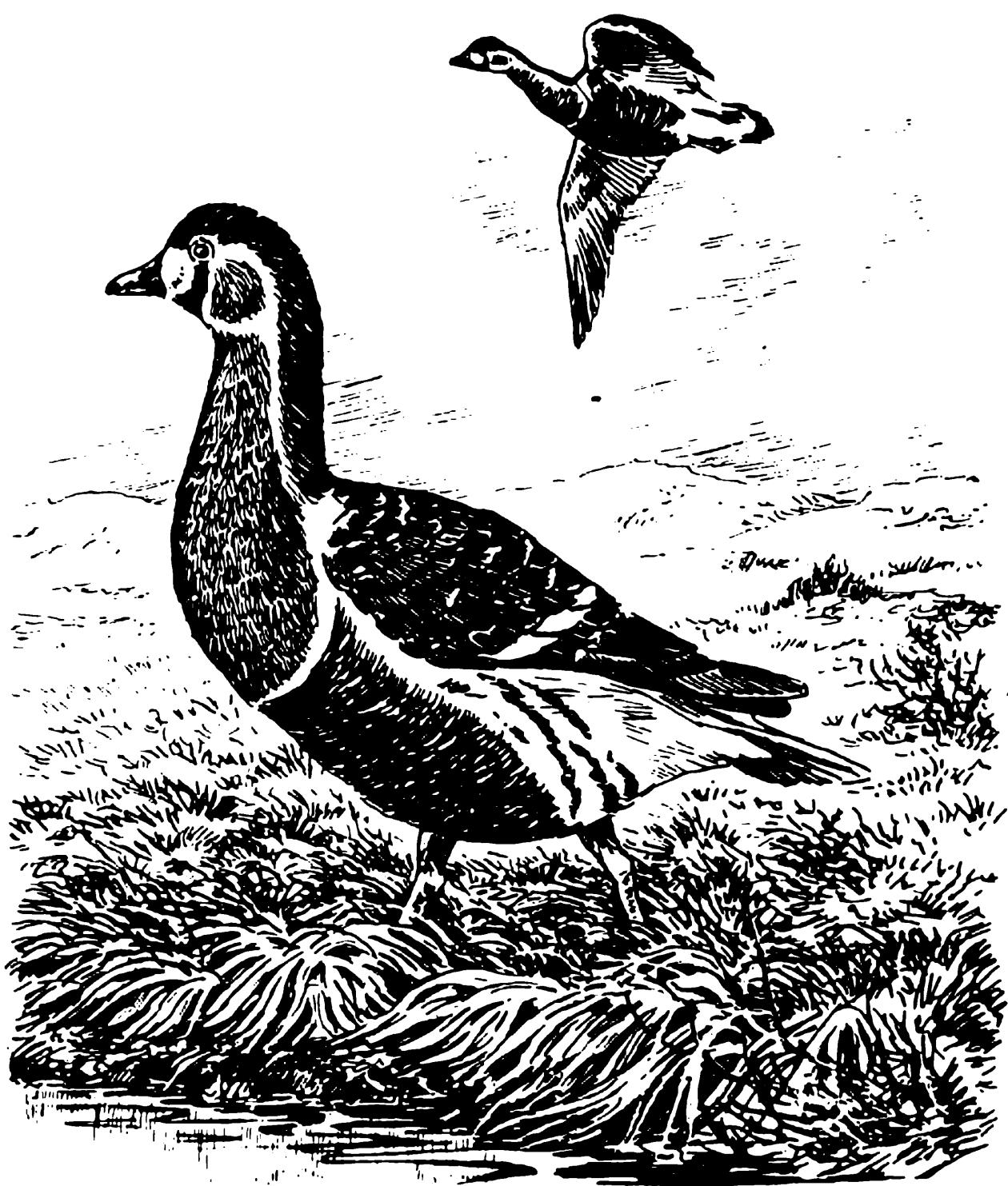
ростью 80 километров в час, — рассказывает известный писатель-эколог Василий Песков в книге «Лесные глаза». Первая остановка — приморские равнины Польши и Германии. Затем Мещерская пойма (Окский заповедник), где гуси сидят примерно месяц. Затем часть летит на Север, часть — на Северо-Восток.

КРАСНОЗОБАЯ КАЗАРКА. Род казарок относится к отряду гусинообразных и от рода собственно гусей отличается черным цветом лап. Краснозобая казарка — самый яркоокрашенный вид из всех наших гусиных. Это русские люди знали очень давно.

И.П.Сосновский, много лет работавший директором Московского зоопарка, пишет, что Петр Первый в 1723 году послал в Сибирь гонца с указом, повелевавшим «у всякого чина людей русских и иноземцев проведывать и купить разных родов зверей и птиц живых, которые во удивление человеком». Среди них особо отмечались «козарки — крылья черные, зобы коришневые». Он же приводит старинные названия птиц — «красный гусек» или «куриозные красные гуськи», что в переводе на современный язык означает прекрасные, красивые. Позднее называли «красношеей казаркой».

Но и сейчас это редкий экспонат и подлинное украшение любого зоопарка мира. Есть сведения, что в 60-е годы Индия предлагала нашему Зооцентру двух слонов в обмен на пару казарок.

И не удивительно. В красивейшей пестрой окраске преобладают белые, каштаново-рыжие, черные цвета. У взрослых птиц верх головы и шея сзади черные. К основанию клюва примыкает большое белое пятно. На боках головы с каждой стороны расположено по большому густо-рыжему пятну. Они окаймлены белой полосой, которая продолжается вниз по бокам шеи и обрамляет рыжий фон шеи и зоба. Спина, грудь и бока черные. Задние части боков белые с

Краснозобая казарка.

черными полулунными скобками. Брюхо, подхвостье и верхние кроющие перья белые. Крылья и хвост, клюв и лапы черные. Глаза темно-коричневые. Молодые окрашены в общем так же, но менее ярко.

Среди отличительных признаков — самая маленькая для гусей величина, чуть больше кряквы; вес — немного более килограмма, относительно короткая шея и длинные острые крылья. Полет быстрый, с частыми взмахами крыльев, причем нередко стаи летят без определенного строя, делают неожиданные повороты, то рассыпаясь, то снова сбиваясь. Крик их, хрипловатый двухсложный «чак-вой», определил и хантыйское название вида.

Зная все это, охотник может определить краснозобую казарку и на большом расстоянии.

Гнездятся они только в России на полуостровах Ямал, Гыдан и Таймыр, причем часто колониями рядом с гнездами соколов-сапсанов и других хищных птиц (тоже особенность вида). По данным того же И.П.Сосновского, гнездовая популяция в 1979 году составила около 3,5 тысячи пар. Из общего количества 28 тысяч краснозобых казарок на Ямале насчитывалось три тысячи, на Гыдане — 4,5 и Таймыре — около 20 тысяч.

На весеннем и осеннем пролете краснозобые казарки нечасто, но повсеместно встречаются на всем Обском Севере. Охраняются в заказниках на Ямале, Гыдане и под Ханты-Мансийском.

Нуждается в охране и второй тоже редкий вид нашей казарки — черная. По приблизительным подсчетам, численность этих птиц, населяющих северное побережье Западной Сибири, за последние полвека сократилось по крайней мере в десятки раз. Еще в 1954 году Международный комитет по охране птиц отметил, что черная казарка находится под угрозой истребления, и внес предложение о полной и повсеместной охране этого вида. Однако в Красную книгу СССР издания 1984 г. она не попала, а в Красной

книге РСФСР (1985 г.) есть только тихоокеанский, восточный ее подвид.

Зимуют черные казарки на побережьях Англии, Франции, частично — в Дании, Голландии, ФРГ, где созданы специальные заповедники. Гнездовья их охраняются на Ямале.

Внешний вид этого мелкого, как и краснозобая казарка, гуся не отличается яркими красками, хотя силуэт примерно такой же. Окраска черно-бурая, у взрослых птиц голова, шея, зоб и спина черные. На боках шеи белые поперечные пятна, сливающиеся в неполный ошейник. Задняя часть брюха и подхвостье — белые. Клюв и лапы черные, глаза темно-коричневые. Молодые птицы однообразно черно-бурые.

В легком и быстром полете, как и все казарки, они редко выстраиваются углом, чаще летят волнистой линией — фронтом или вообще без определенного строя. Перекликаются глухими каркающими голосами. Возможны редкие залеты в южную часть Обь-Иртышья. В конце 80-х годов на осеннем пролете под Ханты-Мансийском наблюдали и белого гуся-краснокнижника, если только это не был альбинос другой породы.

МАЛЫЙ ЛЕБЕДЬ. Охраняются все представители рода лебедей, но только малый внесен в Красную книгу. Другие названия: тундряный или обской (местное). Гнездится только в тундрах России. В последнее время исчез ряд очагов гнездования на Ямальском и Тазовском полуостровах. На Ямале в 1968 году общая численность составляла по некоторым данным 700-750 пар, а в 1974-1977-м — 200 птиц. В связи с резким сокращением численности малых лебедей на Севере Западной Сибири в 70-е годы были созданы заказники на реке Юрибей (Ямал) и на Гыданском полуострове.

Этим, видимо, объясняется, что переведенный во втором

издании Красной книги СССР (1984 г.) в пятую категорию статуса (как восстановленный вид), в Российской книге (1985 г.) малый лебедь представлен в третьей, более тревожной категории.

Птицы, гнездящиеся на Обском Севере, зимуют преимущественно в Ирландии, Англии, Голландии, Дании и Германии, изредка на Каспии, в Румынии, Венгрии, Франции.

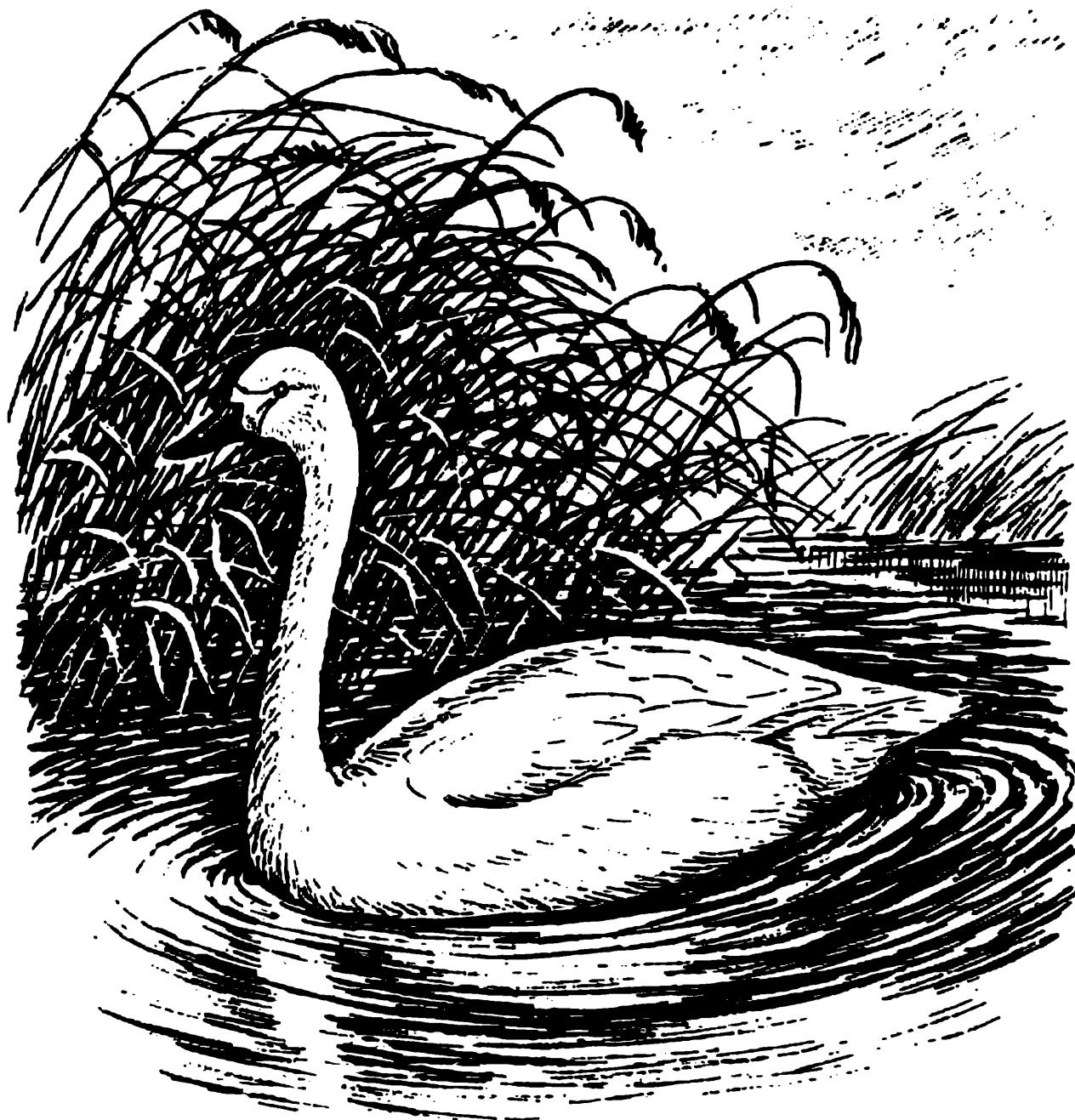
По внешнему виду малый лебедь похож на широко известного лебедя-кликуна, но заметно мельче его по размерам, шея (относительно) короче. Вес около пяти-шести килограммов, тогда как у кликуна вдвое больше. Сидя на воде, оба эти вида держат обычно шею вертикально, а голову — под прямым углом к шее. Крылья плотно прижаты к телу. Более южный вид — шипун — шею изящно изгибает, а концы крыльев распускает, отчего плавающий выглядит намного красивее.

Серебряные трубные звуки кликуна знакомы всем, крик малого лебедя тоньше, звонче, он с металлическим тембром и своеобразным глухим «бумканьем». Голос шипуна, залеты которого возможны на юг региона, более хриплый и дребезжащий.

Специалисты отличают кликуна и малого лебедя по величине и окраске клюва, в общем черного с желтым основанием. У малого — граница между черным и желтым прямая и желтое пятно меньше. У шипуна клюв черный с шишкой у основания. Пространство между кончиком клюва (ноготком) и ноздрями — красное.

БЕЛОКЛЮВАЯ или полярная гагара — редкий вид, встречающийся на территории всей российской тундры и частично в лесотундре. По Оби, например, наблюдалась у Березова, а, значит, возможны появления и южнее.

Это очень крупная птица. Добытый мною только однажды в 1957 году экземпляр близ устья Оби около Пуйко был тяжел, как добрый гусь-гуменник. Источники указывают,

Малый лебедь.

правда, на разный ее вес: «Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей» (т. I, 1952 г.) — 5-5,3 кг, В.К.Рябицев в книге «Птицы тундры» (1986 г.) — до 4,5 кг. В то же время другие распространенные в наших краях краснозобые гагары весят согласно тем же авторам соответственно около 1,5 и 1,1 — 2,5 кг, чернозобые — около 2 и 1,9 — 3,3 кг.

По окраске белоклювая в общем напоминает чернозобую

гагару. Но если у чернозобой клюв и ноги черные, а весенняя окраска головы и задней части шеи серые, то у полярной вся голова и шея черные с синеватым или синевато-зеленоватым блеском, на горле и боках шеи белые продольные полосы. Ноги голубоватые. Клюв беловатый и желтоватый с оттенком слоновой кости и очень мощный. И представьте какой, если были случаи, когда попавшиеся в сети наполовину меньшие чернозобые гагары насквозь проклевывали деревянную лодку.

Вся верхняя сторона тела и крылья полярной гагары черные с зеленым отливом и белыми пятнами разной величины и формы. Весь низ белый, на боках зоба черные продольные полоски. Бока груди и брюха темные, с белым краем. Маховые и рулевые перья бурье, глаза буровато-красные. Осеню верх головы и зашееек становятся темно-бурыми, тогда как у чернозобой буровато-серыми.

Полярная гагара гнездится преимущественно на крупных тундровых озерах, предпочитая низменные мыски и островки. Количество яиц в кладке наблюдатели определяют одно - два. Но сколько я ни видел разных гагар на ямальских озерах, чаще с самкой был один птенец. Из озер белоклювые гагары выводят птенцов на реки и постепенно спускаются вниз по течению.

Раньше гагар добывали ради крепкой шкуры с красивым оперением. Белые брюшки использовались на шапки и отделку одежды. В довоенные и военные годы мне доводилось видеть в Салехарде красивые мужские фуражки с ушами, сшитые из гагарых шеек, воротники и женские муфты. Сейчас такого промысла нет и учитывая, что мясо гагар очень невкусное, жесткое и пахнет рыбой, необходимо запретить отстрел и других их видов, которые до сих пор входят в число условно-охотничьих птиц согласно правилам охоты в Тюменской области. Эту ошибку можно исправить при подготовке окружных правил охоты.

Хищные

СОВСЕМ недавно хищные птицы считались в СССР, да и других странах, чуть ли не заклятыми врагами рода человеческого и подлежали безжалостному уничтожению в любое время и любыми способами. За лапку убитого ястrebа незадачливый стрелок спешил получить грошовое вознаграждение в родном охотобществе. Причем сам «охотник» и его примитивный начальник обычно понятия не имели ни о биологической роли этих птиц в природе, ни о их видовых различиях, скопом относя всех к коршунам. А коршун в людском понятии с детства является вредным, потому что унес у бабушки цыпленка.

Но если неграмотных охотников и таких же охотдеятелей-самоучек на местах можно как-то понять, хотя и не оправдать, то куда смотрели более высокие рангом и, как правило, дипломированные охотничьи чиновники от областных до московских и консультировавшие их ученые? Значит, опять система виновата, лысенковщина разная, карьеризм научный, марксистско-ленинская методология и наша всеобъемлющая, лишенная здравого смысла совковость — как обобщающая причина всех бед.

А ведь в конце прошлого века знаменитый Альфред Брем, хорошо знавший меру вреда, приносимого хищными птицами охотничьему хозяйству, птицеводству и т.п., писал:

«Но самые ограниченные люди должны были сознать, как много косвенного добра делают нам многие работники, на которых мы косимся, как они трудятся ради нашей пользы и как стараются уничтожить пагубную толпу вредных грызунов и насекомых...» Добавим, что давно общеизвестно значение их как санитаров и регуляторов популяций птиц и зверей, уничтожающих в первую очередь слабых и больных особей.

Слава Богу, проснулись и мы, осознали целесообразность существования пернатых охотников, задумались об их ох-

ране. Часть занесли в Красную книгу, остальных запретили убивать. К сожалению, ни разъяснительной работы, ни должного контроля еще нет и опять же того самого механизма соблюдения законов, которого нам вечно не хватает, потому что кому-то невыгодно его иметь. И птиц, очищающих и украшающих самим своим существованием землю, продолжают стрелять бездумно — «просто так» или целенаправленно — на ставшие модными дорогие чучела для украшения «нового» быта «новых русских».

Разумеется, закоренелых разгильдяев и хапуг от природы уже ничему не научишь. Но в расчете на молодых обязательно нужно рассказать об основных представителях хищных птиц, встречающихся в Обь-Иртыши, ограничившись хотя бы общими сведениями об их охотничьих особенностях, распространении и внешнем виде.

Поскольку все дневные хищники входят в отряд соколообразных, начнем с семейства соколиных. Соколы — самые благородные охотники — преследуют жертву открыто, бывают в основном на лету. Главные их качества: страсть, храбрость, сила, ловкость, высокая скорость, гордая осанка. Общие признаки — плотное телосложение, длинные острые крылья, темные глаза. На верхней части клюва есть зубец с соответствующим вырезом на подклювье, ноги и хвост сравнительно короткие, голова большая, шея длинная.

В Красную книгу занесены три наиболее крупных представителя из группы так называемых настоящих соколов.

САПСАН, называемый еще чернаем или перелетным соколом (пилигримом), распространен по всей территории Обь-Иртыша (имеются в виду Ямalo-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), но везде редок. На севере является преобладающим видом. Чаще всего их можно встретить в тундрах Ямала, где они из года в год гнездятся на одних и тех же местах по высоким берегам рек. По данным известного уральского орнитолога В.К.Рябицева

(«Птицы тундры», 1986) на всем Ямале вряд ли более 200 пар сапсанов. Численность их сокращается в связи с увеличением фактора беспокойства.

Окраска контрастная: верх головы, спина, крылья и хвост аспидно-темные, низ светлый с тонкими поперечными (у взрослых) пестринами. Пестрины на груди каплевидные. Вокруг глаз голые кожистые кольца, под глазами ярко выделяются черные пятна — «усы». Длина птицы 42-47 см. Вес около килограмма, иногда с небольшим. Самка крупнее самца.

Летает очень быстро и маневренno. Скорость пикирования при нападении на добычу около 360 км/час.

КРЕЧЕТ — самый крупный, красивый и наиболее редкий из соколов. Отличается светлой окраской — от почти полностью белой с мелкими пестринами до серой с беловатыми пестринами по низу. Раньше (проф. М.А.Мензбир) считали их разными видами. Первого называли белым полярным или исландским, второго — норвежским.

Гнездится в южных тундрах и лесотундрах по рекам. В.К.Рябицев писал в 1985 г., что на всем Обском Севере всего около 20 гнездовых пар кречетов. Большая часть их гнезд (до 15 пар) находится у реки Щучье, текущей в Обскую губу с гор Полярного Урала. О встречах с кречетами в тех местах (и не только) рассказал В.К.Орлов в книге «За белым кречетом». (М. 1991).

Здесь же можно узнать много интересного и об истории соколиной охоты на Руси, которая особенное развитие получила в царствование Алексея Михайловича, отца Петра I. Именно к этому времени (1673 г.) относится полученная тобольским воеводой грамота, где предлагалось выслать в Москву десять сибирских кречетов для царской охоты.

Меня привлекла одна история-легенда, приведенная В.К.Орловым и получившая через год развитие в статье «Храм в Напрудном» (журнал «Природа и охота», 1992, №3).

Сокол-крчет.

Материал подписан инициалами «О.М.» — скорее всего, это Олег Малов, часто печатающийся писатель-охотник, библиофил, историк охоты и охотничьего оружия.

И хотя соколиная охота далека от болотной, как время, прошедшее с того события, не могу на нем не остановиться, поскольку связано оно с моим однофамильцем, жившим пять веков тому назад.

Речь идет о маленькой церкви, стоящей в Москве на Трифоновской улице недалеко от спорткомплекса «Олимпийский». В.К.Орлов назвал ее архитектурным памятником XVI века, памятником соколиной охоте и ее главному действующему лицу — кречету. Церковь воздвиг якобы сокольник Ивана Грозного Трифон Патрикеев в честь святого Трифона — покровителя всех сокольников, который явился к нему во сне и подсказал, где находится пропавший любимый белый кречет царя. Автор сообщает, что церковная фреска, изображающая святого Трифона с белым кречетом на перчатке, и сейчас хранится в запасниках Третьяковской галереи.

В журнале говорится о той же легенде, но ставится под сомнение время, т.к. церковь была поставлена во времена Иоанна III, в 1492 году — в соответствии с датой, выбитой на камне. Далее совершенно правильно указывается, что фригийский святой мученик Трифон никогда охотником не был. По себе знаю, что о канонизированном крестьянине Трифоне-Зарезане слышали многие туристы, побывавшие в Болгарии. Под Варной на Золотых Песках есть даже одногодичный ресторанчик с картинами из его жития.

Потому нельзя не согласиться и с выводом журнала о том, что именно благодаря той легенде святой Трифон стал в России заступником охотников, как святой Губерт в Европе. Об этом свидетельствуют многие русские иконы, изображающие святого Трифона с соколом, правда, не всегда с белым.

Разделяю и предположение журнала о возможном осно-

вателе церкви влиятельном, затем опальном боярине Иване Юрьевиче Патрикееве, о котором сказано, что он имел восковую печать с изображением всадника с соколом на руке.

Добавлю, что родом он из литовских князей Гедиминовичей, пришедших на службу к великим московским князьям во времена Василия Дмитриевича. Князья Патрикеевы вошли в «старшую дружину бояр». Князь Юрий Патрикеев занимал первое место среди бояр в княжение Василия Дмитриевича и Василия Темного.

Иван Юрьевич унаследовал от отца место первого боярина при Василии Темном и стал наивысшим воеводой московским и большим наместником Москвы при Иоанне III. Он лично водил полки в походы, выполнял важные дипломатические миссии, не говоря о других важных государственных делах.

Иван Юрьевич был очень богатым человеком, способным построить не одну церковь, и к тому же знатным сокольником. В его завещании перечислялись две слободы, 29 сел, 13 селец главных, не считая деревень и мелких поселений, а среди разных профессий многочисленных крепостных значились и охотничи: сокольники, псари, трубники, утятники и стрелки.

В 1499 г. Иван Юрьевич вместе с сыном воеводой Василием Косым попал в опалу и был пострижен в монахи в Троице-Сергиевой лавре. Род бояр Патрикеевых постепенно угас, но потомки его стали носить не менее известную княжескую фамилию Голицыных.

Храм в Напрудном, кто бы из Патрикеевых его ни заложил, остается памятником этому роду, вошедшему в историю многими полезными деяниями во время становления государства Московского...

Но вернемся к своим соколам-краснокнижникам. На юге региона может встретиться третий вид — **балобан**, который чуть меньше кречета и похож по окраске на молодого

сапсана. У балобана преобладают охристые и рыже-бурые тона, «усы» малозаметны. Тело более вытянуто, хвост длиннее, крылья — шире. Летает также быстро, но часто парит в воздухе даже кругами.

Из семейства ястребиных в Красную книгу внесены две птицы.

ОРЕЛ-БЕРКУТ или золотистый орел — представитель рода настоящих орлов. Самый крупный из них (вес до 7 кг, длина около метра, размах крыльев до двух метров). Именно он носит титул царя птиц. От других орлов отличается более узкими крыльями, беловатым основанием закругленного хвоста и большими когтями. На близком расстоянии можно заметить узкие заостренные перья на затылке, иногда рыжеватого или золотистого цвета.

Гнездиться любит на высоких деревьях в глухих лесах вблизи болот или на отвесных скалах, а кормиться — на широких открытых пространствах, добывая зайцев и другую дичь. Селится, в основном, на юге региона.

В связи с интенсивным освоением мест обитания беркут стал редко встречаться и некоторые его подвиды находятся под угрозой исчезновения. В целях охраны рекомендуется создание охранных зон вокруг гнезд радиусом до 200-250 м, где запрещаются лесозаготовки и птицам обеспечивается полный покой во время гнездования. И как не вспомнить, что раньше беркуты оберегались самим народом в поверьях и легендах.

ОРЛАН-БЕЛОХВОСТ из рода орланов — первая перелетная птица, появляющаяся весной в наших краях. Это очень крупный, сильный хищник. Вес его до шести килограммов, размах крыльев более двух метров, весь бурого цвета, только хвост характерно белый с черной полосой. Встречается редко, но пока на всей территории нашего округа. Любимые места обитания — крупные рыбные водо-

емы в сочетании со старыми, мало посещаемыми человеком лесами и обязательно — группами высокоствольных деревьев для гнездования. Питается, в основном, крупной рыбой и околоводными птицами, не гнушается и падали.

Быстрое освоение прибрежных территорий, фактор беспокойства, вырубка лесов, загрязнение водоемов и уменьшение пищевых ресурсов приводят к вытеснению орланов с исконных мест гнездования. Нередко они гибнут, попадая в капканы, от случайного и целенаправленного (на чучела) браконьерского отстрела, бессмысленного разорения гнезд.

Падение численности за последние годы замечено во многих районах Севера, в т.ч. в Среднем и Нижнем Приобье. Есть данные, что еще в 1977-1979 годах в пойме Нижней Оби обитало 150-200 пар орланов. В качестве мер охраны рекомендуется учреждение временных микрозаказников (на сезон размножения) вокруг гнездовий, устройство искусственных гнездовых платформ, подкормка на местах зимовок.

СКОПА или рыболов, хотя и относится к отряду соколообразных, но является единственным представителем семейства скопиных. Весьма экзотичный и редкий вид. Довольно большая птица весом 1300-1900 г. Самки крупнее самцов, но окрашены одинаково с ними. Спина темно-бурая, брюшная часть белая с пестринами на зобе. Голова белая с характерной черной полосой по бокам. Крылья длинные и острые, лапы сильные, с длинными загнутыми когтями.

Основная пища скопы — рыба средней величины. Поэтому птица селится вблизи водоемов.

Обычно скопа парит над водой на высоте около 15 метров, а завидев рыбу, камнем падает вниз, иногда погружаясь в воду.

Встреча с ней вероятна, в принципе, на всей территории области, кроме тундры. Но по данным 1979 года, на Обском

Севере насчитывалось всего около 20 пар скоп. Для сравнения, годом позже в дельте Волги было насчитано лишь десять пар. Падение численности вида продолжается, т.к. скопе, кроме живой рыбы и чистой воды, нужны своеобразные места для гнездования — деревья с обломанными вершинами или утолщеными кронами, не говоря уже о спокойной обстановке на водоеме.

Орлан-белохвост.

2. Под защитой Закона

Данный раздел посвящен пернатым, которые не являются краснокнижниками, но охраняются государством, и добыча их повсеместно запрещена.

Серый журавль

СЭТОЙ пока еще широко распространенной в России птицей у человека связано много разных ассоциаций и чувств: радостных — от созерцания весеннего прилета и изящных брачных танцев на болоте или печальных — при виде журавлинного клина, улетающего на юг с тревожным курлыканьем. Недаром журавль — непременный персонаж преданий, песен, сказок, пословиц, поговорок и «природный фон» в литературных произведениях.

В Западной Сибири журавль расселяется на север до Полярного Круга. Гнездятся они на открытых болотах, зимуют в Африке, Индии, редко на Каспии. В середине 50-х — конце 60-х годов я почти ежегодно наблюдал их в 40-90 километрах южнее Салехарда. Правда, стаи-треугольника ни разу не видел, самое большое осенью — штуки четыреста, вероятно, отдельные выводки.

Весной 1964 года один из моих спутников по охоте К.Дудников добыл серого журавля для окружного музея около местечка Кунжолы под Салехардом.

Длинноногая птица бродила в воде у песчаного берега широкого обского рукава — Игорской Оби. Выстрелом ей перебило крыло. Чтобы не портить будущее чучело и редкий экспонат, охотник решил больше не стрелять. Но при его приближении журавль вдруг лег на спину и стал отбиваться лапами. При этом коготь зацепил защелку ружейного цевья, которое отвалилось и утонуло. Только после прибытия помощи на лодке ценный трофей поймали.

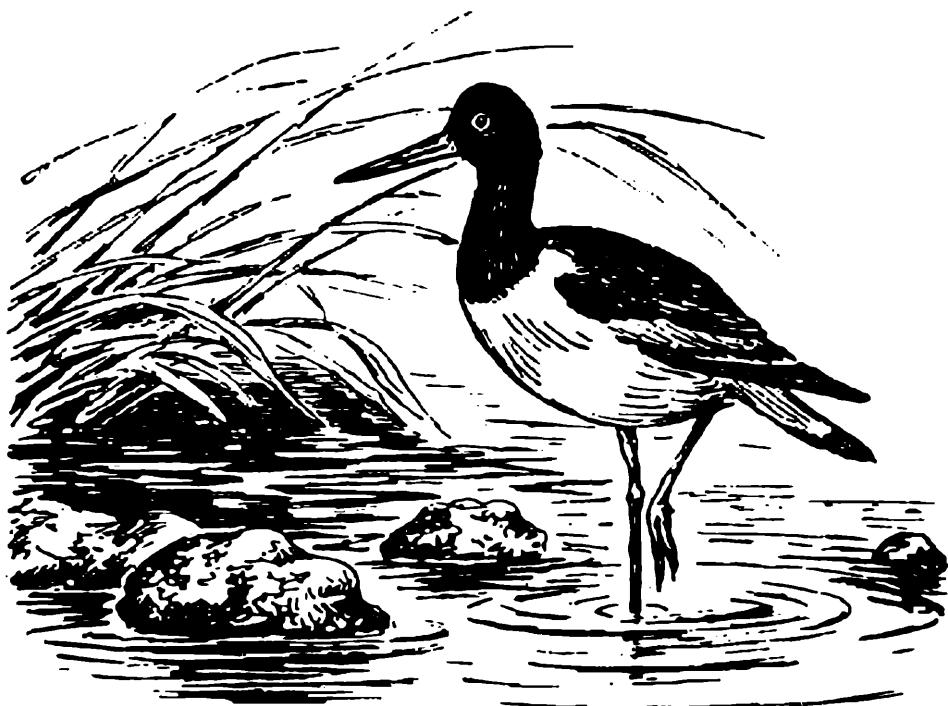
Серый журавль.

Птица была очень крупная — длина около 1,5 м, размах крыльев чуть меньше 2,5 м, общая окраска пепельно-серая. Горло и верх головы темные. Клюв серо-зеленый, глаза красно-бурые, ноги черноватые. На лбу и передней части темени волосовидные перья, на задней части темени и затылке голое красное пятно, словно сдвинутая назад кардинальская шапочка. Шея сзади и по бокам светлая, такое впечатление, что журавль белощекий. Маховые перья, в основном, черные, часть перьев, серповидно изогнутых и удлиненных, свешивается в задней части вниз, как у петуха, хвост по конфигурации тоже напоминает петушиный...

30 августа 1987 года выпал очень ранний для последнего десятка лет сильный иней. Утром мы сидели с Ледой у стога в ожидании, пока подсохнет трава, чтобы начать поиск бекасов и дупелей. Спокойную тишину нарушили резкие, короткие, многоголосые крики журавлей. Примерно в полукилометре я увидел как-то беспорядочно поднимавшуюся стайку из восьми птиц. Они кружились низко над травой, быстро менялись местами, подлетали друг под друга. Понял, что старики силой заставляли молодняк заниматься предполетной подготовкой. Кое-как выстроившись, восьмерка неровной цепочкой сделала довольно большой круг над поймой и опустилась на то же место.

Через некоторое время опять раздалось громкое курлыканье, стая поднялась уже быстрее и организованнее, образовала в воздухе почти классический треугольник и отправилась в очередной, теперь более высокий и длительный полет. На испещренной крупными следами илистой низине спаниель нашел два изогнутых хвостовых журавлиных пера, которые хранятся до сих пор. Одно светло-дымчатое, другое — с постепенно темнеющей верхней половинкой и черным концом. Длиной 25 сантиметров, кривые, рассученные у основания на мохнатые волоски типа страусиных, они так и просятся на модную шляпку.

Кулик-сорока

Единственный из наших куликов (кроме красноногих кроншнепов — тонкоклювого и малютки), охота на которого запрещена. Тем не менее, такая крупная, больше чирка, красивая, заметная, порой крикливо-агрессивная птица часто становится жертвой несведущих охотников.

Народные названия: морская сорока, кривок, кривец, кривяк, сорочей, сорочага, клик, большой петушок, а также речной, пегий и красноногий кулик. Мой отец, родом из Пермской области, говорил, что там его называли камским или речным красноносым куликом. С.Т.Аксаков приводит три местных названия: волжский кулик, жеребец и огарь. В Обь-Иртыши зовут кипиткой за резкий, громкий, свистящий голос: «кипик-кипик-кипик». С таким криком он любит дразнить, пугать и преследовать других птиц, а порой и охотничьих собак, что я неоднократно наблюдал при осенней охоте со спаниелями.

Оперение кулика нарядное, строго-парадное: голова, грудь и спина черные, брюшко и нижняя часть надхвостья белые. Весной на горле у самца появляется белое пятно-полумесяц как контрастное дополнение к черному фраку. Крепкие клюв и ноги, выразительные глаза в очках из неоперенной кожи, оранжево-красные с разными оттенками.

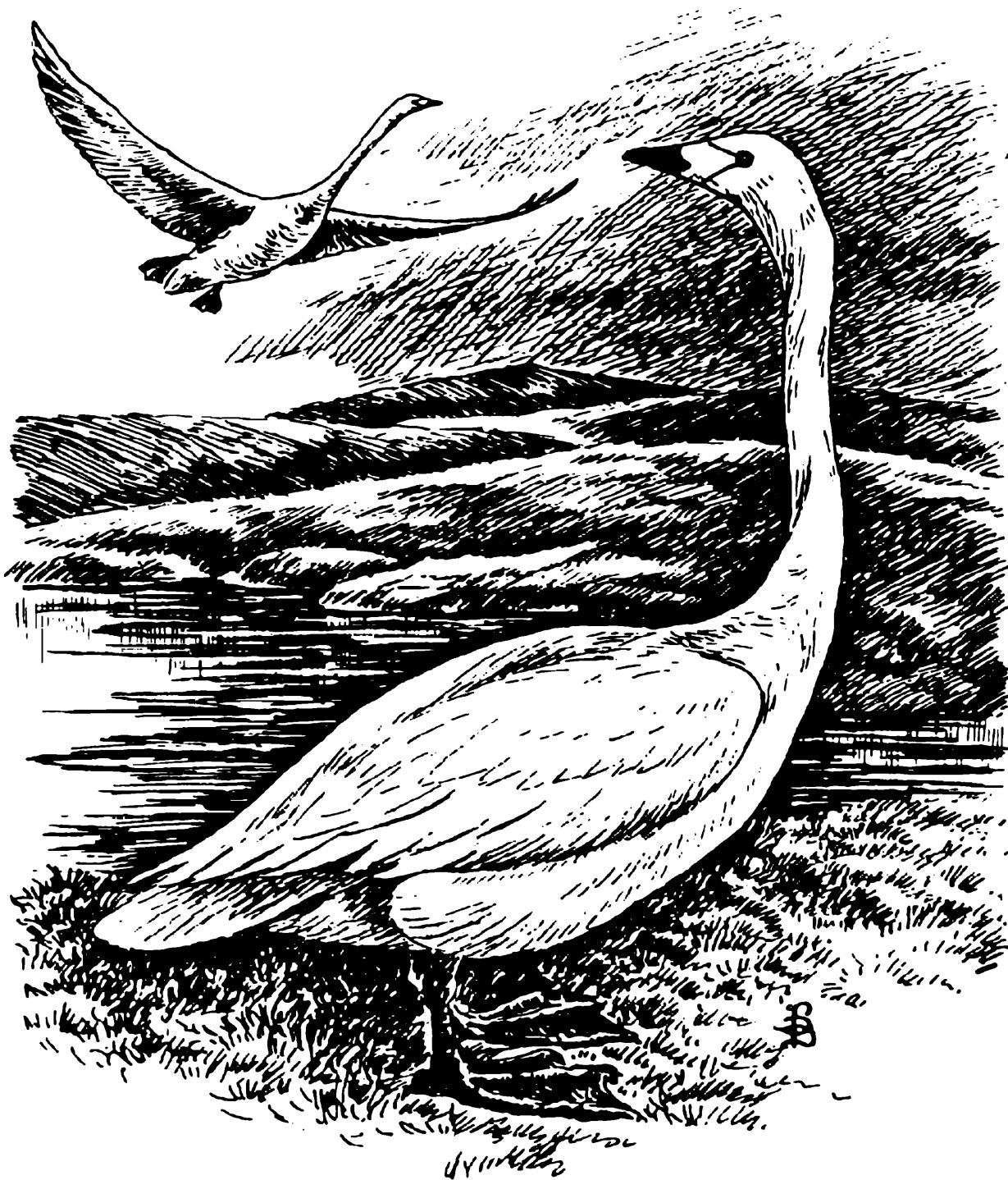
Живет по берегам рек и проток, гнездится на сухих гривах, в половодье — на старых деревьях. При довольно плотной фигуре птица очень подвижная, оживленная, быстро бегает, хорошо плавает, много летает. Зимует на севере Африки, в Индии, на юге Европы, реже — в Крыму, Закавказье.

Из своего старого опыта, когда на кулика еще охотились, замечу, что мясо у него очень невкусное, жесткое, неприятного бордово-красного цвета, а жир — оранжевый с привкусом рыбы.

Лебедь-кликун

ИЗДРЕВЛЕ лебедь — одна из самых почитаемых людьми птиц. Его образ всегда связывался с самым святым, чистым, нередко таинственно-мистическим — лебединая песня, лебединая любовь, лебединая верность. У древних славян была великая богиня Матерь Сва, ее другое название — Лебедь. На памятнике в Киеве его основателям высечены имена: Кий, Щек, Хорив и Лыбедь. Лыбедь — Лебедь в русской летописи — это вся древняя земля славян. Если еще углубиться в историю, то первое на территории б.СССР государство Урарту по-другому именовалось Лебедия. Ассирийцы считали его землей богини Лебедь. Некоторые исследователи связывают это имя не с простой богиней, а с самой Богоматерью-Богородицей Девой Марией. А поскольку выходцы из Урарту основали позже княжество вятичей, вошедшее в Русь, не отсюда ли наша сказочная Царевна-Лебедь?

И тем не менее, божественную птицу до 50-х годов безжалостно уничтожали ради мяса и пуха, хотя в народе убийство лебедя всегда считалось большим грехом и дурной приметой. Подробно описывать лебедя нет смысла. Одна из самых крупных птиц — белоснежная, красивая и грациоз-

Лебедь-кликун.

ная — известна всем. Лебедь-кликун может достигать 12 килограммов веса. От уже известного читателям красно-книжного малого лебедя кликун отличается, кроме размеров, тембром голоса и более светлой окраской клюва (больше желтого, доходящего до ноздрей, меньше черного), а от южного шипуна — вертикальной постановкой шеи при плавании и отсутствием шишки-нароста на клюве.

Кликун первым из водоплавающих прилетает весной на родину, оглашая еще заснеженные просторы Севера серебряными трубными кликами. На юг улетает последним, принося, как говорят, на своих крыльях снег. Зимовки наших лебедей находятся на Черном и Каспийском морях, юге и западе Европы.

Весной спутать лебедя с какой-либо другой птицей трудно. Но осенью, особенно охотникам неопытным, молодым или горячим, надо проявлять осторожность. Молодые лебеди окрашены в грязно-серый цвет и случайно могут быть приняты за гуся.

Дневные хищники

Из охраняемых соколов назовем первым самого северного у нас и одного из самых мелких — дербника. Как и все настоящие соколы, это стройная острокрылая птица. Окраска верха тела и головы сизая, низ — беловато-рыжеватый, на хвосте черная полоса. Весной и осенью его часто можно видеть преследующим перелетные стаи пурпурных и тундровых рогатых жаворонков-рюмов.

Иногда он берет и более крупную добычу. Много лет назад в начале лета на коренном берегу Обской губы у Ныды я видел, как дербник схватил на лету и понес в гору турухтана. Полет был тяжелым и непродолжительным. Не выпуская добычи, сокол опустился на травянистый бугорок и приступил к трапезе.

Чуть крупнее дербника другой настоящий сокол, чеглок

— гроза птиц лесной зоны, уничтожающий за год более тысячи птичек. Он имеет более длинные крылья и в полете напоминает ласточку. Отличается также контрастной окраской, «штанами» из ржаво-красных перьев на лапах и такого же цвета подхвостем. Спина синевато-черная, низ белый с пестринками. Голова сероватая, на затылке светлые пятна, на щеках у клюва черные пятна — «усы».

Встречающаяся в южной зоне ширококрылая и длиннохвостая пустельга, способная зависать на месте, уже не настоящий сокол, она больше охотится на грызунов и насекомых. Насекомоядным является и маленький острокрылый кобчик. По Брему, это самый красивый из соколов. Нижняя часть брюшка, перья на ногах и нижние кроющие перья хвоста желто-ржаво-красного цвета, остальное оперение равномерной аспидно-синей окраски.

Замечу, что окраска самцов отличается от окраски самок и молодых птиц, что вообще затрудняет для неспециалиста (и меня в т.ч.) подробную характеристику внешних данных этих птиц.

Из рода настоящих орлов в лесной зоне встречается подорлик. Само название говорит, что это маленький орел, почти вдвое меньше беркута. Живет в лесах около вырубок, полей и лугов. Питается грызунами, земноводными и рептилиями. В полете похож на орлана. Оперение темно-бурое, затылок и подхвостье более светлые.

Из собственно ястребов в наших краях широко распространен тетеревятник. Крупный, больше вороны, он может нападать даже на гусей и журавлей. На севере это прежде всего истребитель белых куропаток, которых ловит в поймах рек, в лесотундре и открытой тундре, кочуя за ними в роли своеобразного пастуха. Под Салехардом я встречал гоняющего куропаток тетеревятника в начале декабря в сильный мороз.

Видел, как он осенью охотится за утками, неожиданно вылетая на протоку из залива, окруженного густым таль-

ником. Летевшая стайка синьги, как камни, посыпалась в воду и с ходу нырнула. Сидевшие у берега хохлатые чернети словно оцепенели и вплотную подпустили нашу мотолодку. Наверное, при втором заходе кому-то из уток явно бы не поздоровилось. Но испуганный треском мотора хищник скрылся.

Дважды я был обладателем ястребиной добычи. Глубокой осенью, на рассвете, сидел на большом озере. Смотрю, прямо на меня медленно летит что-то большое. То ли гусь, то ли две кряковые друг за другом. В стороне раздался выстрел, непонятная фигура разделилась, вниз кувырком полетела утка, а надо мной промчался тетеревятник. Я сел в лодку и привез еще живую широконоску.

В другой раз наблюдал, как тетеревятник на огромной скорости мчался за чирком. Ошалевшая утка врезалась в сплетение телеграфных проводов, а преследователь заметил их и круто отвернул вверх и назад под углом градусов сто десять, как бы делая мертвую петлю. Чирка с разбитым боком и сломанным крылом я подобрал.

Из всех хищных птиц ястребы — самые искусные охотники. В дополнение к перечисленным соколиным качествам здесь можно добавить еще хитрость, коварство и жадность. Это также хорошо сложенные птицы, отличающиеся от соколов желтым цветом глаз. Окраска тетеревятника светло-серая с красивыми поперечными (у самцов) полосами по светлому низу. Голова темная.

Второй, более южный вид, ястреб-перепелятник, намного меньше (140 — 280 г). Он преследует мелких птиц и небольших зверьков. По окраске низа похож на тетеревятника, но спина сизая, а на зашейке светлые пятна.

Из рода луней наиболее распространен полевой. Отличается своеобразной передней частью головы — глаза больше обращены вперед, вокруг клюва мелкие приподнятые перья. У самца светло-сизое пепельное оперение (вспомните классика: «весь, как лунь, седой»), концы крыльев чер-

ные. Самки и молодняк рыжевато-серые. Стройная длиннохвостая птица живет на открытых просторах тайги и лесотундры.

Ястреб-тетеревятник.

Свою добычу луны берут с земли или воды, поэтому летают низко. Однажды я пришел в скрадок еще до рассвета. Слышу слабый шлепок по воде и думаю: кто это такой легкий сел к манщикам, чирок или кулик-плавунчик? Тут раздался мощный шум крыльев и удар о землю. Поднимаю голову — надо мной большая птица, а перед скрадком валяется манщик. Лунь легко взял его с воды и, ощущив пенопласт вместо пера, бросил.

Весной почти каждый замечал даже над городом или поселком ширококрылую парящую птицу с большими темными пятнами по низу и с закругленным хвостом. Это мохноногий канюк или зимняк — житель тундры и лесотундры, где он охотится на леммингов и полевок. В лесной зоне водится обыкновенный канюк или сарыч.

И, наконец, еще один родственник ястребов — коршун. Он питается падалью, а также ловит грызунов и птиц. Отличительные признаки — бурый цвет и заметный вырез на конце хвоста.

Ночные хищники

ЗДЕСЬ речь пойдет о совах, общий облик которых с детства знаком почти каждому человеку: большие, обращенные вперед глаза, характерный лицевой диск из коротких плотных перьев, отделяющий оперение лица от лба, горла и шеи, а у некоторых видов — торчащие перьевые «ушки».

Как и у дневных хищников, самки сов крупнее самцов, но окраска не зависит от пола — она обычно неяркая, сероватая или буроватая с пестринами. Крылья длинные, широкие, закругленные, хвост относительно короткий, ноги в большинстве оперены до когтей. Острое зрение, тонкий слух, бесшумный полет позволяют им успешно охотиться в темноте, но многие совы вылетают за добычей и в светлое время суток.

В отличие от соколообразных польза сов, как истребителей грызунов, всегда была более очевидной, чем вред охотничьему хозяйству. Поэтому в большинстве стран они издавна охранялись, чего опять же нельзя сказать о б.СССР, где все хищные птицы долгое время были вне закона. Да и

Белая сова.

сейчас из-за своей неосторожности, а порой и любопытства, совы попадают под выстрелы чаще, чем быстрокрылые и осторожные дневные хищники. А результат один — или выбросят, или отрубят крылья на сувенир, или чучело сделают.

Начнем с самой колоритной и крупной — белой или полярной совы. Альфред Брем, побывавший в наших краях в 1876 году, назвал ее совой-белянкой и детищем тундры, хотя эта кочующая птица встречается не только в лесной зоне, но и в лесостепной. Размах крыльев около полутора метров, длина тела — до 71 см. Старые птицы почти полностью белые с мелкими пятнышками на голове и крыльях, молодые — пестрые. Глаза желтые, клюв черный, ноги и пальцы густо оперены.

Молодую белянку, залетевшую глубокой осенью в теплицу Салехардской сельхозопытной станции, я видел еще до войны. Помню, она была крапчатая, как курочка-ряба, и очень агрессивная, корм не брала, поэтому ее быстро выпустили на волю. В пятидесятые годы старая полярная сова-подранок некоторое время жила у моего брата и охотно ела мясо и рыбу.

В природе я много раз видел полярных сов и в Ямальской тундре, и в лесотундре у Салехарда, и в пойме Оби у Ханты-Мансийска. Охотятся они на разных грызунов и птиц. В тундре это в основном лемминги и куропатки, а также пурночки, кулики, чайки, утки. В когти белой совы может попасть и заяц, и даже горностай. Мастерски ловит она рыбу, порой погружаясь в воду, как скопа. Нередко терзает песцов, попавших в слопцы и капканы, зайцев и куропаток в петлях, за что ее не любят охотники и при случае убивают.

Заметим, что ненцы и ханты с незапамятных времен усиленно добывали белянку ради мяса. В тундре, например, делали искусственные снежно-ледяные столбики, на которые ставили капканы. Ненцы рассказывали мне о способе сродни анекдоту о ловле зайцев при помощи кирпича, ще-

потки перца и капустного листа. Съел заяц лист, нанюхался перца, чихнул и... лбом о кирпич. А здесь между двух палок или тех же столбиков натягивают кусок веревки или старого аркана. Сова садится, обхватывает веревку пальцами, падает вниз головой и, не ослабляя мертвый хватки, повисает в ожидании охотника. А что? Очень даже может быть. Не выпускает же обезьяна банан или яблоко, схваченные в узкогорлом кувшине...

Брем кратко упоминает еще один вид такой же крупной совы — лапландскую, называя из внешних признаков длинный хвост и совершенно круглый лицевой диск. В других источниках (В.И.Язвицкий, 1930 г.) подтверждается ее повсеместное распространение на Севере и приводится второе название — лапландская неясность.

В надежде, что кто-то ее видел или увидит, полностью передаю прочитанное описание. Преобладающий цвет оперения с верхней стороны тусклый серо-бурый; с нижней — светло-серый с красноватым налетом; оба этих основных цвета испещрены темно-серыми и темно-бурыми пятнами; область зоба имеет черное одноцветное пятно в виде бородки, оттененное белым по бокам. Глаза ярко-желтые с красно-бурыми веками, клюв воскового желтого цвета.

Пишет В.Язвицкий и о разновидности лапландской совы, которую большинство ученых того времени склонно было считать самостоятельным видом, — пепельной сове. И я буду очень благодарен орнитологам, охотникам и просто любителям природы за сообщения о встречах с этими птицами или упоминаниях о них в литературе.

Теперь о болотной сове, которая чаще других встречается в тундре и на открытых пространствах лесотундры и тайги. Зимой она кочует по всей Европе и Азии, перелетает в Африку, а по Америке — от севера до южной оконечности. За это Брем называет ее космополиткой и сообщает, что однажды ее видели над открытым морем к западу от островов Зеленого Мыса.

Болотная сова по сравнению с полярной небольшая, общая длина между 30-40 сантиметрами, размах крыльев около метра. Окраска взрослых птиц охристая или рыжеватая с бурыми продольными полосами, иногда с более светлым низом. Клюв и когти черные. Кормится, в основном, грызунами, ловит птенцов, лягушек и насекомых.

3 июня 1960 года в пойме под Салехардом я наблюдал токование болотных сов. Самка сидела на сухой талине и почти по-кошачьи гнусаво мяукала. Самец поднимался кругами довольно высоко и при снижении гулко хлопал крыльями.

В лесной зоне встречается ушастая сова, похожая по цвету и размерам на болотную, а ее характерный признак — два пучка перьев на голове, торчащих, как уши. Это уже типично ночная птица, на лесных опушках и полянах ловит мышевидных грызунов. В темных еловых лесах живет серобурый со светлыми продольными полосами большеголовый мохнатый сыч. Он меньше болотной совы, но, как и она, при урожае мышей залетает на охоту в лесотундре и тундре.

На мохнатого сыча похож самый маленький из наших совиных — воробышний сычик. Это охотник-заготовитель, закладывающий в свое дупло на зиму по доброй сотне полевок. В селениях он охотится за воробьями. Брем назвал сычей сиринами, один из их отличительных признаков — желтизна на клюве и ногах.

Самым большим из совиных является филин. Размах его крыльев 150-180 см. Окраска пестрая с сочетанием рыжих, ржаво-желтых, черно-бурых цветов с продольным и попечечным рисунком. На голове есть перьевые ушки, глаза ярко-оранжевые или красные, клюв и когти темные. На севере распространен до границы леса. Помню, в середине 50-х годов он сам заявил о своем присутствии в лесотундре, залетев во двор Салехардского стационара Уральского филиала Академии Наук и был добыт орнитологами.

Питается филин главным образом грызунами — от мы-

шней до зайцев, а также птицами от мелких воробыиных до глухаря, нападает на соколов, ястребов и канюков, ловит лягушек и рыб. На севере может охотиться днем, но вообще это ночная и сумеречная птица. Крики «царя ночи» — бугуканье, хихиканье, громкий визг, ворчанье и щелканье клювом — порой слышны до утра.

Среди сов есть одна и типично дневная птица, ястребиная сова, называемая еще соколиной совой или совиным соколом, на которого она похожа острыми крыльями, быстрым полетом, манерой охоты, храбростью и даже криком. Имеются и другие сходства — поперечные пестрины на груди и брюхе, отсутствие лицевого диска и круга из перьев вокруг глаз, плоский лоб и узкое лицо, густое оперение. Размер, примерно, с болотную. Преобладающий цвет светлый, на голове впереди и позади уха черная полоса в виде полумесяца, темя черно-буровое. Горло и нижняя сторона белопестрые, верхняя сторона бурая со светлыми пятнами. Маховые и хвостовые перья мышиного цвета с беловатыми каемками. Встречается на всем Обском Севере, проникая в тундру по пойменным лесам. Добывает птиц до куропатки, леммингов, лесных мышей, а также насекомых.

Из других птиц охраняются редко встречающиеся у нас цапли и выпи, а также широкораспространенные чайки и певчие.

* * *

Дорогие читатели! Вы побывали на осенних лугах в безбрежных пойменных просторах у слияния Иртыша и Оби. Автор надеется, что никто не остался равнодушным от увиденного. Одного заинтересовали возможности красивой охоты, другого — разнообразие ландшафта, флоры и фауны. Возможно, кто-то теперь по-новому посмотрит на себя как на охотника, а кто-то сменит ружье на видеокамеру или фотоаппарат. До новых встреч в уже знакомых местах!

Содержание:

Об авторе.....	3
I. Осенний бал природы.....	5
II. Благородные долгоносики.....	14
III. Королевские кулики.....	38
IV.Попутная дичь.....	47
V. Охраняемые птицы Обь-Иртышья.....	62
1. Из Красной книги.....	64
2. Под защитой Закона.....	106
Библиография трудов Н.Б.Патрикеева.....	122

**Новомир Борисович
Патрикеев**

Болотно-луговая охота со спаниелем

Редактор В.Киселев

Художник В.Романов

Отв. за выпуск А.Мишуин

Корректоры Н.Захарова, Н.Худякова

Технический редактор И.Красноусова

Издательство «Н.И.К.», г.Ханты-Мансийск, ул.Коминтерна, 27.

YISBN 5-900924-04-1

Сдано в набор 04.01.96. Подписано к печати 07.03.96.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Journal. Заказ №703. Усл. печ. л. 7,8. Тираж 3000.

Цена свободная.

Оригинал-макет изготовлен в компьютерном центре редакции
Ханты-Мансийской окружной газеты «Новости Югры»

Оператор набора Н.Белева

Верстка Н.Заживихиной

Цветоделение обложки и печать книги выполнены
в Ханты-Мансийской окружной типографии
г.Ханты-Мансийск, ул.Мира, 46. Тел. 3-29-84.

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА „ЮГИ“